

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

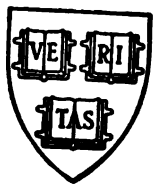
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

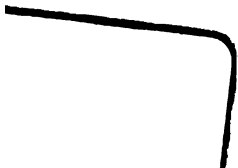
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

L Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

51939

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

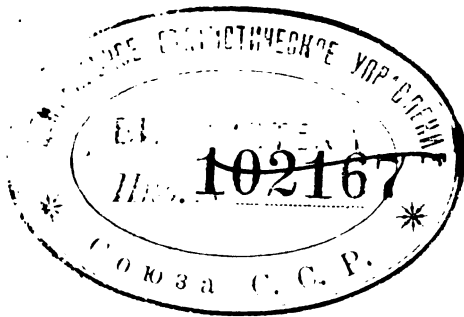
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
 СТАТИСТИЧ. КОМИТЕТА
 МИНИСТР. 10 ЮЛЬ 89
 ШКАФЪ 96 ЛОЖКА 4
 Инв. № 16952 № 4

Лого

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

ОДЕССА

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Бубы

1888

△
L 540 3985.151 (46)

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ С. П. Ярошенко.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стран.

Иловайскій С. И., пр.-доц. к. н. ун. — Опредѣленіе, содержаніе и значеніе науки финансоваго права, въ связи съ краткимъ очеркомъ финансоваго положенія главнѣйшихъ государствъ	1—16.
Шейнманъ П. Н., пр.-доц. к. н. ун. — Задача, содержаніе и исторія науки полицейскаго права.	17—34.
Некрасовъ М. С., о. пр. к. нов. ун. — О значеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи русской литературы	35—72.
Асанасъевъ Г. Е., пр.-доц. к. н. ун. — Судьбы Ирландіи	73—160.
Мочубинскій А. А., о. пр. к. нов. ун. — Начальные годы русскаго Славяновѣдѣнія: Шишковъ — Румянцовъ — Славянская каюдра	161—484.
Приложенія.	I—CXIV.
Указатель	CXLV—CLI.
Содержаніе	I—X.

Судьбы Ирландіи *).

Приватъ-доцента Г. Е. Аванасьева.

I.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Ирландія съ ея отношеніями къ Англіи приковываетъ къ себѣ вниманіе всего образованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы признаемъ, что Англія—страна изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ, страна передовая въ смыслѣ цивилизаціи, то естественно удивляться, что въ зависимости отъ этой страны находится народъ, въ которомъ мы находимъ такую громадную бездну страданій, влекущихъ въ

*) Настоящая статья составляетъ содержаніе публичныхъ лекцій, читанныхъ 7-го, 14-го и 21-го марта 1887 года.

Для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ исторіей Ирландіи, я могу указать на слѣдующія сочиненія, которыми я пользовался при составленіи этой статьи.

1. *Hassenkamp*. Geschichte Irland's von der Reformation bis zu seiner Union mit England. Leipzig 1886. Въ одномъ томѣ. Сочиненіе обстоятельное, хотя нѣсколько сухое и безъ достаточной группировки фактовъ по ихъ однородности. Авторъ слишкомъ увлекается хронологическою послѣдовательностью.

2. *Hervé*. La crise Irlandaise depuis la fin du dixhuitième siècle jusqu'à nos jours. Paris 1885. Въ одномъ томѣ. Эта книга представляетъ собою не изложенію противоположность книгѣ Гассенкампа. Написана живо и довольно кратко; изложеніе дѣла ясное и не многословное. Герве помѣстилъ еще въ 1880 г. въ *Revue des deux Mondes* статью «Les origines de la crise Irlandaise», въ которой онъ разсказываетъ исторію Ирландіи во время французской революціи. Статью эту Гассенкампъ справедливо называетъ «Блестящею».

3. *H. de Chavannes de la Giraudière et Huillard-Bréholles*. L'Irlande, son origine, son histoire et sa situation présente. Tours 1867 г. Въ одномъ томѣ.

свою очередь бездну вражды и ненависти по отношенію къ его порабитителямъ. Въ чемъ же кроется причина этого? Что за притча? Неужели народъ, съумѣвшій такъ хорошо разрѣшить наиболѣе важные вопросы государственнаго права у себя дома, не могъ и не можетъ разрѣшить этихъ вопросовъ въ странѣ, вѣками съ нимъ связанной. Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что борьба на жизнь и смерть между этими двумя народами является слѣдствіемъ лишь извѣстныхъ ненормальныхъ экономическихъ отношеній. Но это только съ перваго взгляда. Если же ближе взглянуть въ характеръ этой вѣковой ненависти и борьбы, то придется признать, что только одними экономическими отношеніями объяснить эту задачу невозможно, потому что если взять въ расчетъ всѣ несомнѣнныя заботы Англій обь улучшеніи экономическаго положенія Ирландіи, заботы, проявившіяся въ какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ послѣдняго столѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что ненависть ирландцевъ къ англичанамъ должна была бы исчезнуть и не имѣть уже болѣе мѣста. На самомъ же дѣлѣ мы этого не видимъ. Значитъ, нужно въ другомъ мѣстѣ искать причину этой вѣковой вражды. Если мы посмотримъ на дѣло не только съ точки

Сочиненіе написано къ католическомъ духѣ. Оно хорошо для порвоначальной исторіи Ирландіи. Читать слѣдуетъ съ осторожностью.

4. *Lesly*. Geschichte England's im 18 Jahrhundert. Нѣмецкій переводъ съ англійскаго Löwe, въ 4 томахъ. Сочиненіе это еще не кончено. Оно, по словамъ Гассенкампа, составляетъ, по безпристрастному и внимательному отношенію къ Ирландіи, исключеніе между англійскими историческими сочиненіями.

5. *Beaumont*. L'Irlande politique, sociale et religieuse. Paris. 2-me édition 1881 г. Въ двухъ томахъ. Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1839 году. Оно очень богато матеріаломъ для картины общественныхъ отношеній Ирландіи и удостоено преміи французской академіи.

6. *Perraud*. Le bill des tenanciers. Paris 1860. Небольшая брошюра; но очень дѣльная по яркости картины, изображающей положеніе ирландскаго земледѣльца, напавшій неданія закона Бордуэля. Этому же автору принадлежитъ другое сочиненіе «Etudes sur l'Irlande contemporaine».

7. *В. В. Сокольскій*. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Заграничный Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою краткій историческій очеркъ поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Интересны указанія на роль національнаго момента въ этихъ отношеніяхъ.

8. *Н. И. Зиберъ*. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Юридическій Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою рефератъ протоколовъ пар-

зрѣнія экономической, но также съ точекъ зрѣнія національной, политической и религіозной, то мы убѣдимся, что Ирландскій вопросъ на самомъ то дѣлѣ задача далеко не такая простая, что, наоборотъ, это явленіе очень сложно и состоитъ изъ сплетенія экономическихъ, національно-политическихъ и религіозныхъ отношеній, сложившихся цѣлымъ рядомъ поколѣній. Разъясненія, поэтому, ирландскаго вопроса необходимо искать въ прошломъ этого народа и въ немъ же поискать отвѣта на загадку.

Я считаю лишнимъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ изложеніемъ всей исторіи Ирландіи въ ея деталяхъ, а буду имѣть въ виду лишь тѣ главные факты изъ исторіи отношеній между Англіею и Ирландіею, которые будутъ служить намъ какъ бы сигнальными знаками по пути слѣдованія къ выясненію судебъ Ирландіи до настоящаго времени.

Для разрѣшенія поставленной мною задачи нѣтъ надобности начинать, что говорится, съ Адама. Для насъ будетъ вполне достаточно, если мы ограничимся только тѣмъ, что, сдѣлавши общій очеркъ средневѣковой исторіи Ирландіи, подведемъ итогъ ея къ XVI ст. Этого будетъ, я думаю, достаточно. Подробите намъ нужно будетъ остановиться на XVII и XVIII вѣкахъ,

лиментской комиссіи 1881 года, назначенной для изслѣдованія земельныхъ отношеній въ Ирландіи. Она включаетъ въ себя крайне интересныя данныя о теперешнемъ положеніи ирландскихъ арендаторовъ и объ ихъ воззрѣніяхъ на земельныя отношенія. Цѣнны и замѣчанія Н. И. Зибера объ этихъ отношеніяхъ.

9. *Paul Fournier*. La question agraire en Irlande. Этого сочиненія я не имѣлъ подъ руками; его очень хвалятъ г. Сокольскій и г. Герве за богатство матеріала и его обработку.

10. *Anat. Leroy-Beaulieu*. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone. *Revue des deux Mondes* 1881 г.

11. *Philippe, comte de Paris*. L'Eglise d'état et l'église libre en Irlande. *Revue des deux Mondes* 1868. Эта статья написана графомъ Парижскимъ, теперешнимъ претендентомъ на французскую корону, подъ псевдонимомъ Ксавье Реймонъ. Она появилась по поводу билля Гладстона объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи.

Этотъ списокъ далеко не исчерпываетъ всего, что можно найти по исторіи Ирландіи. Желающіе заняться ею еще болѣе обстоятельно могутъ съ удобствомъ воспользоваться библиографическимъ указателемъ источниковъ и пособій по ирландской исторіи, помѣщеннымъ въ концѣ упомянутой выше книги Гассенкампа.

и особенно на томъ, что предпринято было по отношенію къ Ирландіи въ XIX столѣтіи.

Прежде всего слѣдуетъ остановить вниманіе на фактѣ, который весьма важно съ самаго же начала вѣрно оцѣнить. Я говорю о столкновеніи на почвѣ Ирландіи двухъ расъ. Когда Норманны появились въ Ирландіи и затѣмъ, какъ пишется въ учебникахъ, «покорили» ее (на самомъ дѣлѣ покоренія то никакого не было, кромѣ незначительной восточной части острова), то тутъ столкнулись два народа—одинъ, который предполагался варварскимъ, дикимъ, другой—цивилизованный, который долженъ былъ будто бы культивировать дикихъ туземцевъ. На самомъ же дѣлѣ произошло нѣчто обратное; мы встрѣчаемся здѣсь съ такого рода фактомъ, который прямо говоритъ противъ культурнаго превосходства побѣдителей надъ побѣжденными. Обыкновенно когда сталкиваются два народа, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры, то тотъ изъ нихъ, который стоитъ на низшей ступени, — особенно если разница значительна, — усваиваетъ себѣ нравы, обычаи, однимъ словомъ, культуру того болѣе цивилизованнаго народа, съ которымъ онъ столкнулся. И это усвоеніе чужой культуры происходитъ не искусственнымъ, а вполне естественнымъ, безболѣзненнымъ путемъ; въ такомъ случаѣ получается, можно сказать, выгода для всего человѣчества: цивилизація пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, а вновь культивированный народъ пріобщается этой цивилизаціи, не теряя, впрочемъ, изъ своего старого ничего того, что заслуживаетъ сохраненія. Если бы, слѣдовательно, норманны были болѣе цивилизованы, чѣмъ ирландцы, то послѣдніе должны были бы усваивать себѣ культуру норманновъ, между тѣмъ мы знаемъ факты изъ XIV еще столѣтія, которые говорятъ обратное. Такъ Килькенійскій статутъ Эдуарда III, относящійся къ 1367 г., гласитъ, что всякій англичанинъ, который будетъ одѣваться по ирландски въ свѣтло-желтыя платья, будетъ стричь бороду по ирландски, женится на ирландкѣ, будетъ давать своимъ дѣтямъ при крещеніи ирландскія имена, вообще будетъ усваивать себѣ ирландскіе обычаи, нравы, языкъ, то какой англичанинъ будетъ наказываемъ какъ за преступленіе государственной измѣны, т. е. колесованіемъ живьемъ. Является вопросъ: почему и зачѣмъ представилась надобность въ подобнаго рода статутахъ въ XIV еще столѣтіи, т. е. два столѣтія послѣ такъ назы-

взятаго «покоренія» острова?.. Очевидно, значить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ подчиненіемъ ирландцевъ норманской культурѣ, а скорѣе съ явленіемъ обратнымъ, т. е. съ кельтизированиемъ англичанъ. Этотъ важный и интересный вопросъ получилъ свое разрѣшеніе въ послѣднее время, когда англичане сняли запретъ съ древнихъ актовъ, уясняющихъ исторію Ирландіи.—Такъ законы брегоновъ—такъ назывались древне-ирландскіе вѣщатели права—доказываютъ намъ, что ирландцы вовсе не стояли на такой низкой степени культуры, на какой ихъ ставятъ нѣкоторые историки, что, наоборотъ, образованность ирландцевъ была довольно высокою. Ясное дѣло, слѣдовательно, что коль скоро норманны столкнулись съ *такимъ* народомъ, то не могли да и излишне было имъ проявлять свое цивилизаторское вліяніе. Фактъ кельтизированія германской расы въ Ирландіи не удивляетъ меня. Онъ не одинокъ. Германская раса вообще на западѣ потерпѣла большой уронъ. Обратимъ наше вниманіе на то, что сдѣлалось вообще съ германской расою при столкновеніи ея на западѣ съ кельтическою романизированной расою. Намъ невольно бросается въ глаза однообразіе, такъ сказать, участи этой расы. Италію заняли Остъ-Готы и Лонгобарды. Гдѣ они теперь? Испанію населили Аланы, Свевы, Вандалы, также Вестъ-Готы. Гдѣ они? Францію овладѣли Франки, Аллеманы, Бургунды, отчасти и Вестъ-Готы. Куда они дѣвались?—Всѣ они потеряли свой обликъ и поглощены кельто-романскою цивилизаціею. Въ Англіи саксы сталкиваются сначала съ кельтическимъ населеніемъ; затѣмъ появляются норманны, и вся эта смѣсь дала въ результатъ англійскую націю, въ языкѣ которой преобладаетъ элементъ романскій, а не германскій. Вслѣдствіе этого, преувеличенное представленіе, которое имѣется объ какой-то особенной способности нѣмцевъ подчинять другіе народы своей культурѣ, нѣмечить ихъ, должно быть подвергнуто весьма значительному ограниченію. Это представленіе вѣрно лишь по столбу, по скольку оно касается отношеній нѣмцевъ къ намъ славянамъ, да и то далеко не безусловно.

Я возвращаюсь къ англо-ирландскимъ отношеніямъ. Для Англіи, отвлекаемой вѣншими и внутренними замѣшательствами, наступили времена неблагоприятныя для расширенія своего господства, и Ирландія вплоть до конца XV ст. остается независимою. Одна только восточная часть ея находилась въ рукахъ

англичанъ, вся же остальная часть острова остается въ рукахъ ирландцевъ, которые дѣлились на кланы (округа), управляемые каждымъ отдѣльнымъ шаномъ (княземъ); земля принадлежала всему клану и обрабатывалась членами этого клана на извѣстныхъ условіяхъ и съ извѣстными обязательствами по отношенію къ шану. Существовали у нихъ извѣстныя формы судопроизводства, при чемъ за все назначался денежный штрафъ, какъ и у славянъ и германцевъ.

Когда междоусобія въ Англіи окончились, она опять принимается за Ирландію и достигаетъ того, что при Генрихѣ VII Ирландія подчиняется англійскимъ королямъ, сохраняя впрочемъ за собою автономію, о характерѣ который мы скажемъ послѣ.

Въ XVI ст. отношенія между ирландцами и англичанами осложняются новымъ элементомъ религіознымъ. Сначала движеніе религіозное не имѣло большого значенія. Генрихъ VIII, какъ извѣстно, ограничился сначала лишь присвоеніемъ себѣ церковной супрематіи и не коснулся существенныхъ догматовъ вѣры. Когда же при его сынѣ и преемникѣ Эдуардѣ VI реформація развилась и приобрѣла болѣе лютеранскій характеръ, то введеніе ея въ Ирландію встрѣтило упорное сопротивленіе. Сдѣлано было англійскимъ правительствомъ распоряженіе, что ирландское духовенство должно непремѣнно признавать духовную супрематію короля; велѣно было также перевести на ирландскій языкъ Прауг-боок и отправлять по немъ богослуженіе; единственная уступка, которую Эдуардъ VI нашелъ возможнымъ сдѣлать католикамъ, состояла въ томъ, что ирландцамъ позволено было при евхаристіи употреблять по прежнему латинскій языкъ. Эти усилія во что-бы-то ни стало распространить реформацію въ Ирландіи приостановились со вступленіемъ на престолъ Маріи Тюдоръ, когда и въ самой Англіи наступаетъ католическая реакція. Интересно то обстоятельство, что въ то время, когда въ самой Англіи горятъ костры массами истребляющіе протестантовъ, въ Ирландіи мы не видимъ религіозныхъ преслѣдованій и вообще не замѣчаемъ проявленій религіознаго фанатизма. Въ Дублинѣ открыто совершается протестантское богослуженіе.

Но вотъ наступаетъ царствованіе Елизаветы, которое англичане такъ любятъ прославлять и которымъ гордятся. Для

Ирландіи царствованіе это было очень тяжелымъ. Уже въ 1560 г. появляется статутъ, которымъ требовалось, что-бы супрематія короля въ дѣлахъ церкви признавалась всѣми *безусловно*, и всякій кто будетъ признавать какую либо иностранную супрематію (папы), наказывается въ первый разъ лишеніемъ имущества, а во второй—смертью. Естественное дѣло, что при такихъ условіяхъ вражда ирландцевъ къ англичанамъ становилась все сильнѣе и сильнѣе, а также параллельно съ этимъ сильнѣе и напряженнѣе становилось стремленіе ихъ къ національной независимости. Въ теченіе одного только XVI ст. мы видимъ въ Ирландіи семь возстаній; всѣ они кончаются неудачею, но послѣ каждой неудачи ирландцы какъ-бы вновь воодушевляются ненавистью къ англичанамъ и поднимаются съ новою силою. Возстанія эти особенно были сильны на югѣ Ирландіи — въ Мунстерѣ и на Сѣверѣ—въ Ульстерѣ.

Возстанія находили себѣ поддержку и питаніе, кромѣ вѣковой вражды ирландцевъ къ англичанамъ, и въ континентальныхъ отношеніяхъ XVI ст. Вспомнимъ, что вторая половина XVI столѣтія европейской исторіи есть время страшной религіозной борьбы, это время Варооломеевской ночи, время Филиппа II, Гизовъ и Альбы, Вильгельма Оранскаго и Колиньи, время отчаянной борьбы Нидерландцевъ за свою религію и свободу, и мы поймемъ, что и Ирландія, являвшаяся ареною борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, не могла остаться чуждою этому движенію вѣка. Къ тому же, на Елизавету смотрѣли въ Европѣ, какъ на представительницу протестантизма, вредить которой представлялось очень заманчивымъ и выгоднымъ для представителей католицизма (папы, Филиппа II), а Ирландія являлась очень удобною почвою для такихъ политическихъ интригъ. Въ самой Ирландіи нашлись авантюристы, готовые воспользоваться такимъ положеніемъ вещей. Одинъ изъ нихъ *Стуклей* предложилъ папѣ Григорію XIII сдѣлать сына его *Джиакомо Бонкампаніо* королемъ Ирландіи. Папа одобрилъ планъ Стуклея и далъ ему денегъ, но послѣдній съ набраннымъ войскомъ отправился вмѣсто Ирландіи въ Португалію и забылъ о своемъ первоначальномъ планѣ и о папскомъ сынѣ. Онъ принялъ участіе въ экспедиціи въ Африку, гдѣ и сложилъ свою буйную головушку. Другой авантюристъ *Яковъ Физморисъ* обратился также къ папѣ и испанскому королю Филиппу II за

помощью; появился за тѣмъ въ Ирландіи и поднялъ возстаніе въ Мунстерѣ. Нельзя сказать, что-бы Фицморисъ пользовался особеннымъ вліяніемъ на ирландцевъ, но когда возстаніе было подавлено, то обнаружались обстоятельства, дававшія поводъ подозрѣвать въ сочувствіи къ возстанію графа *О'Десмонда*. Отъ послѣдняго потребовали заложниковъ, которыхъ онъ отказался дать, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ возстаніе въ своемъ граствѣ. И это возстаніе было подавлено англичанами; Мунстеръ былъ разоренъ и 30000 людей погибло если не отъ оружія англичанъ, то отъ голода. Побѣдители разоряли цѣлыя деревни, что-бы не было пристанища возставшимъ, сжигали скирды хлѣба и сѣна, что-бы лишить ихъ средствъ продолжать борьбу. Словомъ, англичане дѣйствовали безъ разбора средствъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ доканали возставшихъ мунстерцевъ.

Когда происходитъ возстаніе на югѣ Ирландіи, въ то-же время на сѣверѣ возстаніе поднимается *О'Нилемъ*, графомъ *Тиронна*, человѣкомъ, пользовавшимся вліяніемъ на весь Ульстеръ. Противъ него былъ отправленъ любимецъ Елизаветы *Эссекса*. Успѣхъ остался однако на сторонѣ *О'Ниля*, и *Эссексъ* вступилъ въ переговоры. Свиданіе между ними было довольно оригинально. Оба предводителя сѣхались къ рѣкѣ съ противоположныхъ сторонъ. *О'Ниль* верхомъ вѣхалъ въ воду, пока вода не достигла сѣдла и отсюда началъ переговоры съ *Эссексомъ*, не подѣзжая къ нему ближе столько-же изъ почтенія, сколько изъ опасенія измѣны. Переговоры кончились уступками, со стороны *Эссекса*. Договоръ этотъ не былъ утвержденъ Елизаветой и навлекъ на *Эссекса* ея немилость.—Противъ *О'Ниля* былъ назначенъ новый полководецъ *Маунтджой*. Маунтджой дѣйствовалъ всюю массою своихъ войскъ сосредоточенно, не разсѣвая ихъ мелкими отрядами, устраивая какъ можно больше фортовъ и подвигаясь медленно шагъ за шагомъ впередъ. Система его состояла въ опустошеніи повсюду жилищъ возставшихъ. Насколько упорна была борьба и значительна сила *О'Ниля*, которому помогли притомъ папа Климентъ VIII и Филиппъ II, видно изъ того, что когда онъ согласился смириться, ему дали пощаду и, кромѣ того, возвратили ему все земли, отнятыя у него раньше. Было предоставлено также право католикамъ, живущимъ на его землѣ, отправлять свое богослуженіе. Если Елизавета вынуждена была на такіа уступки, то мы

можемъ отсюда заключить, насколько сильны были еще начальныи ирландскихъ клановъ и какъ далеко еще было до полного порабощенія Ирландіи.

Резюмируя все сказанное нами до сихъ поръ, мы видимъ, что въ концѣ царствованія Елизаветы, т. е. въ началѣ XVII в. отношенія англичанъ къ ирландцамъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: во 1) бóльшая часть Ирландіи (Мунстеръ, Лейнстеръ и Ульстеръ) хотя и подчинена Англій, но не вполне, а во 2) борьба сопровождается сплошнымъ опустошеніемъ покоряемыхъ областей и сильными жестокостями. Въ одномъ графствѣ Тироннѣ до 3000 человекъ погибло отъ голода. На дорогѣ отъ него на пространствѣ 15 миль было найдено 1000 человѣческихъ труповъ.—Такой характеръ борьбы еще болѣе разжигалъ взаимную ненависть двухъ народностей и безъ того уже враждебныхъ другъ другу въ силу прежнихъ отношеній. Третій фактъ,—это стремленіе англичанъ къ систематическому обезземеливанію ирландцевъ. Первый актъ въ этомъ отношеніи произошелъ при Маріи Тюдоръ. Послѣ возстанія ирландцевъ при Эдуардѣ VI Марія Тюдоръ наказывала возстававшихъ отнятіемъ ихъ земель. То-же самое мы видимъ при Елизаветѣ, когда войскамъ, подавлявшимъ возстаніе въ Ульстерѣ, давалось каждому кавалеристу 240 морговъ земли, а пѣхотнику по 120 морговъ.—Система конфискацій и стремленіе англичанъ захватить ирландскія земли продолжались и позже и особеннаго развитія достигли при Стюартахъ.

Въ началѣ XVII ст. на престолъ Англій вступаетъ Яковъ I. Ирландцы надѣялись, что сынъ той самой королевы Маріи, которая погибла только потому, что была католичкой и пользовалась любовью католиковъ, что сынъ ея окажется болѣе снисходительнымъ къ нимъ, чѣмъ его предшественница Елизавета. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Яковъ I, — человекъ узколюбивъ и деспотическаго нрава, предпочелъ, въ виду того значенія, какое англиканская церковь придавала королю, отстаивать во чтобы то ни стало основныя положенія этой церкви. Пороховой заговоръ только усилилъ нерасположеніе къ католикамъ и ухудшилъ ихъ положеніе.—Въ Ирландіи онъ отозвался религіозными преслѣдованіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно при Яковѣ создается планъ систематической колонизаціи Ирландіи англійскими землевладѣльцами

и производится разрушеніе древней организаціи Ирландскаго клана. Намѣстникъ Ирландіи гордъ *Чичестеръ* издаетъ королевскую прокламацію, объявляющую членовъ клана свободными отъ подчиненія начальнику клана. Этимъ хотѣли ослабить значеніе шановъ и ослабить силу народа, крившуюся въ древней организаціи.—Затѣмъ Чичестеръ подаетъ въ Лондонъ проектъ, что по его мнѣнію лучшимъ средствомъ для колонизаціи англичанами Ирландіи было бы, если бы тѣ колонисты, которые теперь массами отправляются въ Америку, заселяли Ирландію. Чтобы она стала такою Америкою, онъ находитъ возможнымъ отдавать имъ *излишекъ* земель, которыя окажутся за надѣломъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Въ Лондонѣ однако проектъ этотъ былъ передѣланъ въ томъ смыслѣ, чтобы просто надѣлять англичанъ землями въ Ульстерѣ, не обращая вниманія на ирландцевъ. Участки въ тысячу и полторы тысячи акровъ передавались пресвитеріанамъ и сектантамъ-англичанамъ. Находили возможнымъ раздавать англичанамъ эту землю на томъ основаніи, что предводители нѣкоторыхъ клановъ, участвовавшіе въ возстаніи, бѣжали, а потому и земля считалась свободною. Напрасно протестовали жители этихъ клановъ, говоря, что земля не есть частная собственность предводителя клана, что она составляетъ ихъ общую собственность. Но англичане съ своей точки зрѣнія никакъ не могли этого понять: земли общей быть не можетъ, земля можетъ принадлежать только тому или другому лэндорду и если онъ бѣжалъ, то земля эта лишается своего владѣтеля и становится государственною собственностью, которою государство и можетъ распорядиться, какъ ему заблагоразсудится. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, столкновеніе правовыхъ міросозерцаній двухъ расъ: германской съ ея идеею *личной* собственности и кельтической—съ идеею *общей* собственности. Отъ такого столкновенія и произошла эта ломка основныхъ правовыхъ понятій и въ результатъ 195000 акровъ роздано англійскимъ и шотландскимъ переселенцамъ, а туземцамъ оставлено только 70000 акровъ. При этомъ строго было воспрещено первымъ допускать и держать на своихъ земляхъ арендаторовъ-ирландцевъ.—Система, господствовавшая при Іаковѣ I продолжается и при преемникѣ его. Съ одной стороны, мы видимъ, боятся не только за политическую и религіозную самостоятельность, но и за землю, на которой сидишь и сегодня пользуешься ею, а

завтра, смотри, придетъ какой-нибудь чужеземецъ и отбереть ее; съ другой стороны стремятся съзидать именно до послѣдней степени все, что напоминаетъ еще о какихъ-нибудь правахъ.

Карлу I съ самаго начала вступленія его на престолъ пришлось вести борьбу съ парламентомъ, борьбу, которую велъ уже Яковъ I и которая была неминуема при томъ высокомъ понятіи о божественномъ правѣ королей, какое было присуще вѣмъ Стюартамъ и которое было причиною такой трагической участи этой династіи. Съ созваніемъ Долгаго Парламента начинается кризисъ въ борьбѣ парламента съ королемъ за вѣковые права англійскаго народа. Ирландцы желаютъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, и вотъ въ Ирландіи составляется заговоръ, чтобы освободиться отъ англійскаго господства. Ирландцы хотѣли 23 Октября 1641 г. напасть на Дублинъ и овладѣть имъ, но это имъ не удалось. — Въ самой Англійи борьба съ королемъ переживаетъ разные фазисы. Сначала во главѣ парламента стоятъ монархисты и англиканцы; потомъ влияніе переходитъ къ пресвитерьянамъ и политика все болѣе принимаетъ республиканскій характеръ, чтобы съ выступленіемъ на сцену круглоголовыхъ и индепендентовъ порвать рѣшительно и съ монархіею и съ высокою церковью. Какъ же должны были относиться къ этому дѣлу ирландцы? Англичане-ирландцы, т. е. англичане, поселившіеся и владѣвшіе землею въ Ирландіи были или пресвитеріане, или монархисты; англійскій парламентъ въ ихъ глазахъ пересталъ быть учрежденіемъ, которому нужно повиноваться, и этотъ парламентъ становится общимъ врагомъ какъ приверженцевъ короля, такъ и ирландцевъ, стремившихся къ политической самостоятельности. Поэтому происходитъ сближеніе между старо-ирландскою партіею и англичанами роялистами въ Ирландіи и возстаніе въ началѣ носитъ характеръ политической. Герцогъ *Ормондъ*, во имя роялизма, съумѣлъ соединить обѣ партіи для борьбы съ парламентомъ. Карлъ I заключилъ съ ирландцами договоръ, выговоривъ себѣ ихъ помощь и сдѣлавъ имъ значительныя уступки. Договоръ этотъ былъ найденъ въ карманѣ убитаго въ одномъ сраженіи епископа *Туама*. Когда въ Англійи узнали объ этомъ союзѣ короля съ ирландцами, то тамъ поднялась цѣлая буря негодованія. Карлъ I изъ политическихъ расчетовъ отрекался, конечно, отъ всякаго союза и договора. — Движеніе ирландцевъ на этой почвѣ не осталось. Остался оно

чисто національно-политическимъ, имъ бы удалось можетъ быть освободиться отъ господства Англій; хотя этотъ успѣхъ, по всей вѣроятности, не былъ бы долговременнымъ. — Но тутъ замѣшались религіозныя отношенія. Извнѣ увидѣли возможность воспользоваться этимъ движеніемъ для торжества католицизма, съ одной стороны, и подрыва выгоднаго положенія Англій, съ другой. И вотъ въ Ирландію является кардиналъ *Ринучини* и старается придать движенію ирландцевъ религіозный характеръ. Ему удалось сначала привлечь на свою сторону Карла I и приобрести вліяніе при помощи роялистовъ. Сближаясь съ кардиналомъ Ринучини и общая ему значительныя уступки въ религіозныхъ дѣлахъ, король рассчитывалъ черезъ него приобрести помощь католическихъ державъ. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Очень скоро папскій легатъ открылъ свою игру: по его приказу, католическіе священники стали проповѣдывать противъ самого Карла I, какъ еретика, и кардиналъ склонилъ католиковъ признать своимъ государемъ самого папу и призвать для управленія Ирландіею, — подъ верховной властью папы, — брата герцога Тосканскаго. Договоръ между ирландскими роялистами и старо-ирландской партіею рушился. Герцогъ Ормондъ сдалъ Дублинъ войскамъ парламента, не желая торжества папистовъ. Полковникъ *Джонсъ* вступилъ туда въ Іюль 1647 г. Этотъ результатъ, а также пораженія, которыя стали терпѣть ирландцы, разочаровали ихъ въ политику кардинала Ринучини и заставили снова облизиться съ роялистами. Казнь Карла I еще болѣе содѣйствовала этому. Не смотря на проклятія и отлученія кардинала, лига возстановилась, и самъ онъ вынужденъ былъ покинуть островъ и возвратиться во Францію.

Но благоприятный моментъ былъ упущенъ. Парламентъ восторжествовалъ надъ королемъ и теперь направилъ свои силы на Ирландію. Туда отправился самъ Кромвель и по высадкѣ своихъ войскъ, взялся за покореніе городовъ Дрогеды, Вексфорда и другихъ. При капитуляціи этихъ городовъ защитники ихъ были перебиты до единого человѣка. Въ Вексфордѣ жители были перебиты, не смотря на обѣщаніе сохранить имъ жизнь, данное Кромвелемъ при заключеніи капитуляціи. Кромвель чувствовалъ потребность оправдать эти звѣрства и писалъ парламенту по поводу этихъ избіеній; «я убѣжденъ, что это праведный судъ Божій надъ этими варварами-простофилями, которые оба-

грили свои руки такою массою невинной крови, и что это предупредитъ повтореніе подобныхъ воровпролитій въ будущемъ. Ирландія покорялась не только оружіемъ, но и голодомъ. За войсками Кромвеля шли косари и жнецы, которые уничтожали вездѣ хлѣбъ на корню. Сжигалось все, что только можно было сжечь. Когда въ 1652 г. «умиротвореніе» Ирландіи кончилось, то далеко нельзя было назвать это умиротвореніемъ, а скорѣе превращеніемъ богатаго острова, по крайней мѣрѣ значительной части его, въ пустыню. Изъ 1466000 человѣкъ 616000 погибло отъ меча, отъ голоду и отъ повальныхъ болѣзней. Къ этому *умиротворенію* вполне примѣнимо выраженіе Тацита: «Ubi solitudinem faciunt, расем appellunt». 34000 лучшихъ людей по условіямъ капитуляціи были вывезены на континентъ и дрались потомъ подъ знаменами Испаніи, Франціи — и даже Польши. — Многіе ирландцы, мужчины, женщины и дѣвушки были вывезены и отданы на сахарныя плантаціи Вестъ-Индіи. Правительство приказало отправлять туда всѣхъ ирландцевъ, находящихся въ тюрьмахъ, рабочихъ домахъ и всѣхъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ средствъ жизни. Агенты разнаго рода охотились за такими несчастными, какъ охотились за неграми въ Африкѣ.

За умиротвореніемъ слѣдовало массовое обезземеленіе ирландцевъ по слѣдующимъ двумъ актамъ парламента. По первому акту отъ 13-го Августа 1652 года всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ возстаніи до 1643 года, лишаются всѣхъ своихъ земель; тѣ-же, кто въ возстаніи противъ короля не участвовалъ, а лишь въ возстаніи противъ парламента, теряютъ $\frac{2}{3}$ своихъ земель, а взаимѣнъ остающейся трети они получаютъ соотвѣтствующій участокъ земли на западѣ Ирландіи въ Коннаутѣ (Connacht), чтѣ равносильно было потерѣ и этой трети. Наконецъ, тѣ изъ ирландцевъ, которые сами хотя и не принимали участія ни въ какомъ возстаніи, но не выказали достаточной антипатіи къ возставшимъ, лишаются одной трети своихъ земель, а взаимѣнъ остальныхъ двухъ третей получаютъ земли въ томъ-же Коннаутѣ.—По второму акту парламента отъ 27 Сентября 1653 года всѣ ирландцы католики должны непремѣнно къ 1 Мая 1654 года выселиться за рѣку Шанонъ, въ Коннаутѣ. Кто-же позже 1 Мая 1654 г. окажется по сю сторону Шанона тотъ подвергается смертной казни. Дозволялось остаться только

малолѣтнимъ (моложе 14 лѣтъ), если у нихъ одинъ изъ родителей протестантъ, а также рабочимъ, нужнымъ для обработки земель англичанъ. Подобнаго рода выселеніе огуломъ объяснялось желаніемъ англичанъ совершенно обезземелить ирландцевъ и самимъ завладѣть ихъ землями. И не даромъ выгоняли этихъ несчастныхъ туземцевъ въ Коннаутъ. Насколько Ирландія вообще представляется островомъ благодатнымъ и плодороднымъ, на столько же Коннаутъ представляетъ однѣ свалы, болота и очень мало земли, удобной для обработки. — Какія ужасныя общественныя отношенія устанавливались на островѣ, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, слѣдующая такса: правительство платило 5 фун. ст. за убитаго волка, 10 ф. ст. за волчицу, 10 ф. с. за пойманнаго католическаго священника (по закону они всѣ считались изгнанными изъ Ирландіи) и 20 фунтовъ за тори. (Такъ назывались возставшіе роялисты, остатки которыхъ составляли разбойничьи шайки).

Но вотъ миновала и республика въ Англіи; наступила реставрація Стюартовъ. Ирландцы, которые боролись за королевскія прерогативы, рассчитывали теперь на нѣкоторое вознагражденіе. И дѣйствительно, уже въ 1662 г. издается такъ называемый Поселенческій актъ (Act of settlement), которымъ «невиннымъ католикамъ» *) предоставлялось право получить обратно конфискованныя у нихъ участки. Когда актъ былъ обнародованъ, то прошеній о возвращеніи земель было подано до 4000. Въ Лондонѣ поднялся ужасный шумъ со стороны пріобрѣтателей награбленныхъ земель. Вопли лэндлордовъ возымѣли свое дѣйствіе. Появляется дополнительный, объяснительный актъ, который низвелъ значеніе поселенческаго акта почти до нуля. Всѣ тѣ, по прошеніямъ которыхъ не было постановлено никакихъ рѣшеній, должны были навсегда отказаться отъ надежды возвратить себѣ отцовское наследство; только для 20 семействъ изъ 3000 въ видѣ особой милости сдѣлано было исключеніе. Въ общемъ счетѣ одна треть удобной земли во всей Ирландіи, не исключая и Коннаута, осталось за ирландцами-католиками, а двѣ трети за англичанами.

Новый моментъ въ исторіи Ирландіи представляетъ крат-

*) Такъ были названы тѣ католики, которые могли доказать, что они до 1653 года не принимали участія ни въ какомъ возстаніи.

кое, трехлѣтнее царствованіе Іакова II, закончившееся революціею 1688 года. Іаковъ II въ своей попыткѣ ввести абсолютизмъ и произвести реставрацію католицизма старается приготовить для себя почву въ Ирландіи — странѣ католической и искони враждебной всему англійскому. Онъ назначаетъ своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи полковника *Тальбота*, получившаго званіе лорда *Тирконнелля*, ярого врага поселенческихъ законовъ. Своими дѣйствіями онъ питаетъ надежду въ Ирландіи на возвращеніе отнятыхъ земель, на изгнаніе протестантовъ и на возстановленіе католической церкви. Среди этой работы застала его революція 1688 года. Тирконнель и ирландцы стали на сторону Якова II. Послѣдній самъ явился въ Ирландію съ французскимъ вспомогательнымъ отрядомъ. Сюда же спѣшить и Вильгельмъ Оранскій съ своими войсками. Ирландія снова становится ареною борьбы разнообразныхъ интересовъ. Католицизмъ и протестантизмъ, жажда возвратитъ отнятыя земли и желаніе сохранить захваченное, національная вражда, французскіе, голландскіе и англійскіе торговые и политическіе интересы, абсолютизмъ Людовика XIV и принципы «Декларациіи правъ» 1688 года,—все это столкнулось въ Ирландіи. Сраженіе произошло при рѣкѣ Бойнѣ и было несчастно для ирландцевъ. Оно велось съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, которое объясняется лишь характеромъ принимавшихъ въ немъ участіе. Съ одной стороны боролись гугеноты съ *Шомберомъ* во главѣ, недавно только перенесшіе отъ католиковъ массу горя на своей родинѣ за свою религію; съ другой стороны—католики—ирландцы, воодушевленные тоже жаждой мести противъ притѣснителей и желающіе возвратитъ потерянную родину и свободу.

Само собою понятно, что послѣ этого пораженія ирландцамъ стало еще хуже. Первая половина XVIII столѣтія—это время всечелскаго униженія ирландцевъ. Издаются драконовскіе законы противъ католиковъ. Имъ запрещено было, подъ страхомъ штрафа и плети, носить оружіе; католикъ не могъ занимать какой-бы то ни было общественной должности, не могъ быть ни избираемымъ, ни избирателемъ; не могъ быть учителемъ, не могъ быть адвокатомъ, не смѣлъ жить въ Гальвѣ и Лиммерикѣ, если платитъ за квартиру болѣе 40 фун. въ годъ; католикъ не имѣлъ права имѣть лошадь дороже 5 фун. стерл., въ противномъ случаѣ всякій протестантъ имѣлъ полнѣйшее право,

давъ ему гинею, отпречь его лошадь и взять себя; католикъ не могъ вообще владѣть землею, ни покупать ее или инымъ образомъ получать ее, ни давать подъ залогъ ея деньги, ни арендовать ее на срокъ болѣе 31 года, при чемъ арендная плата должна была обязательно равняться двумъ третямъ, дохода съ земли. Всякія сдѣлки, противныя этимъ законоположеніямъ, признавались недѣйствительными. Католикъ не могъ также жениться на протестантѣ, а католичка выходить замужъ за протестанта и на оборотъ. Въ случаѣ смѣшаннаго брака имущество протестантки, если оно было болѣе 500 ф. ст., отнималось у нея и переходило къ ея протестантскимъ родственникамъ. Священникъ, совершавшій смѣшанный бракъ подвергался сначала штрафу въ 20 ф. ст., а потомъ, по закону 1725 г., — смертной казни. Наконецъ, по закону 1745 г. всякіе браки между папистами и англиканцами признаются недѣйствительными. Интересною представляется для насъ эта градація наказаній, которымъ подвергался священникъ за совершеніе обряда вѣнчанія при смѣшанныхъ бракахъ. Очевидная недостаточность наказаній, которая не удерживала священниковъ совершать обрядъ вѣнчанія вопреки запрещеніямъ правительства, побуждала послѣднее усиливать степень наказанія, доведя его наконецъ до смертной казни. Далѣе, католикъ не имѣетъ права наследовать протестанту. Католикъ не могъ быть опекуномъ своихъ собственныхъ дѣтей; опекунство переходило непременно къ какому нибудь родственнику протестанту. Католикъ не могъ ни имѣть учителя католика, ни отправлять своихъ дѣтей за границу для воспитанія, какъ дѣлали часто богатые ирландцы, воспитывая своихъ дѣтей во Франціи. Кто оказывался виновнымъ въ этомъ, имущество того конфисковалось. Шерифъ имѣлъ право являться въ любое время въ домъ католика и требовать, чтобы онъ показалъ всѣхъ своихъ дѣтей. Если кого либо изъ нихъ не оказывалось на лицо, то считалось, что оно находится и воспитывается за границей, и имущество отца конфисковалось безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Училищъ своихъ католики имѣть не могли. Всѣ высшіе католическіе духовные и члены орденовъ были изгнаны.

Чѣмъ же, наконецъ, могъ быть католикъ? — Нищимъ и поденщикомъ. — Даже самое право завѣщанія католиковъ ограничивалось. Такъ, протестантъ обязанъ былъ держаться маіората, католики же обязаны были дѣлить имущество свое между

всѣми дѣтьми, дабы оно дробилось и чтобы потомки бѣднѣли. Но это еще не все. Если одинъ изъ сыновей принимаетъ протестантизмъ, то отецъ теряетъ всѣ права распоряженія своимъ имуществомъ; они переходятъ къ этому сыну-отщепенцу. Последній становится даже опекуномъ отца. Дальше ужъ идти было некуда. Если правительство становится между отцомъ и сыномъ, давая, наперекоръ всякимъ естественнымъ законамъ, второму старшинство надъ первымъ, то это уже послѣднее слово безобразія и жестокости.

Рядомъ съ этими мѣрами принимаются другія для уничтоженія экономическаго развитія и благосостоянія Ирландіи. Навигационнымъ актомъ запрещалось ирландцамъ имѣть непосредственныя сношенія съ англійскими колоніями или иностранными государствами. Каждый корабль, направляющійся къ берегамъ Ирландіи, если онъ только не англійскій, долженъ былъ сначала подвергаться визѣ въ Англію и затѣмъ уже слѣдовать по своему назначенію. Этимъ имѣлось въ виду уничтожить ирландское судостроеніе, что и было достигнуто: за 50 лѣтъ послѣ этого закона на ирландскихъ верфяхъ, какъ утверждаютъ, не было построено ни одного корабля. Затѣмъ Ирландія издавна славилась своимъ овцеводствомъ, была тамъ очень развита также шерстяная промышленность. Чтобы и ее подорвать, издано было (въ 1698 г.) постановленіе, въ силу котораго шерстяныя издѣлія Ирландіи подвергаются 20% вывозной пошлинѣ. Вслѣдствіе этого въ 1700 и 1701 г. на рукахъ общественной благотворительности находилось 19000 ткачей; а какихъ-нибудь 30 лѣтъ спустя въ Бельфаствѣ нельзя было найти ни одного шерсто-ткацкаго станка. Актъ, о которомъ мы только что говорили, былъ изданъ ирландскимъ парламентомъ, состоявшимъ изъ однихъ только протестантовъ. Ему было обѣщано, что англичане будутъ содѣйствовать насажденію въ Ирландіи льняной и пеньковой промышленности взамѣнъ шерстяной. Обѣщаніе это не было исполнено.

Въ чему вообще привели всѣ эти мѣры, которыя только что очерчены мною, свидѣлствуютъ лучше всего отзывы современниковъ. Вотъ что говоритъ о несчастной Ирландіи въ «письмахъ суконщика» Джонатанъ Свиготъ, долгое время жившій въ Ирландіи: «Грустное зрѣлище поразить всякаго, кто пожелаетъ посѣтить эту страну. Всѣ дороги, улицы и двери

домовъ осаждаются нищими женщинами, за которыми слѣдуетъ 5—6 дѣтей, моля и прося прохожаго о милостынѣ. Дѣти эти, выростая безъ всякаго образованія и воспитанія, становятся разбойниками уже потому одному, что имъ нечѣмъ жить».

Одинъ намѣстникъ Ирландіи доноситъ, что во рвахъ городовъ можно было находить много мертвыхъ людей, при чемъ лицо и ротъ у нихъ покрыты зеленою отъ травы, которою они пытались въ послѣднія минуты своей жизни. Нечего и говорить, что такое бѣдственное положеніе туземцевъ Ирландіи было прямымъ слѣдствіемъ конфискаціи ихъ правъ и тѣхъ законовъ, которые, по словамъ *Борка*, ирландца по происхожденію, имѣли цѣлью уничтожить всякое значеніе ирландцевъ.—Намѣстникъ Ирландіи *Тоуншендъ* также замѣчаетъ, что всѣ законы, которые писались и издавались относительно ирландцевъ, были направлены къ тому, что-бы уничтожить значеніе папистовъ.—Но въдѣ послѣдніе составляли огромное большинство населенія Ирландіи.

Казалось, что, благодаря стараніямъ и мѣрамъ, предпринимавшимъ изъ Лондона, Ирландіи представляетъ собою трупъ, и трудно было рассчитывать, что-бы трупъ этотъ могъ когда нибудь ожить; трудно было, по крайней мѣрѣ, ждать какой либо оппозиціи со стороны ирландцевъ, пришибленныхъ горемъ, нищетой, издѣвательствомъ англичанъ. Но нѣтъ, именно въ то время, когда казалось исчезли въ этомъ тѣлѣ послѣдніе признаки жизни, трупъ началъ оживать. Появленіе дѣйствія драконовскихъ законовъ не убили его окончательно. Первые проявленія жизни были грубы и оцвѣчены характеромъ насилія. Тайныя общества, похожія на разбойничьи шайки, подъ различными названіями: «Бѣлые ребята» (White-Boys), «Дубовые ребята» (Oakboys), «Стальные сердца» (Hearts, of steel), «Дѣти права» (Right-Boys), всѣ дѣйствовали одинаковымъ образомъ: насиліемъ, грабежомъ, пожаромъ съ такимъ ожесточеніемъ, которое понятно только въ людяхъ, доведенныхъ горемъ до отчаянія и которымъ не отъ кого ждать помощи. Сила и популярность этихъ тайныхъ обществъ въ Ирландіи между католиками была громадная, почти неповѣрная. Нельзя было найти человѣка, который согласился-бы свидѣтельствовать на судѣ противъ членовъ этихъ обществъ; нельзя было найти присяжныхъ, которые бы рѣшились вынести кому либо изъ нихъ

обвинительный вердиктъ—до того эти союзы пользовались симпатіею въ массѣ народа, а съ другой стороны нагоняли страхъ. Все они были выраженіемъ протеста противъ иноземнаго владычества и гнета и всякими мѣрами насилія старались дѣйствовать противъ агентовъ этой ненавистой имъ власти. Они нашли поддержку и въ протестантахъ англо-ирландцахъ, ибо экономическое давленіе, о которомъ мы говорили, одинаково коснулось какъ протестантовъ, такъ и католиковъ острова. Огряды «Дубовыхъ ребятъ» и «Стальныхъ сердецъ» состояли изъ протестантовъ Ульстера столько-же, какъ и изъ католиковъ.

Немного позже и въ литературѣ появляется протестъ противъ гнета англичанъ. Капуцинъ *О'Лири*, отличавшійся блестящимъ талантомъ, *Джонатанъ Саифтъ* въ «Письмахъ бѣднаго суконщика», аптекарь *Лукасъ* въ своемъ «Журналѣ свободного человѣка» (*Free-man's Journal*) подняли голосъ и стали будить свою родину, вступаясь за поправныя права ея. Эта оппозиція естественно вызвала преслѣдованія. «Журналъ свободного человѣка» былъ закрытъ и издатель его долженъ былъ бѣжать на континентъ. Но удары власти не убиваютъ мысли. Популярность Лукаса лишь возросла отъ преслѣдованій. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ членомъ парламента.

За открытіе личности «суконщика» (автора Писемъ) была назначена награда во 300 ф. ст., но все общанія и соблазны остались безъ послѣдствій. Процессъ вынуждены были начать противъ типографа, напечатавшаго «Письма». Присяжные засѣдатели *одинадцать* разъ возвращаемы были предсѣдателемъ въ совѣщательную комнату: никакъ нельзя было дожидаться отъ нихъ обвинительнаго вердикта. До того популярна была книга, въ которой говорилось о бѣдствіяхъ и правахъ Ирландіи.

Но едва ли одни союзы, поддерживаемые протестомъ литературы, могли бы заставить Англію кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ Ирландіи; репрессіи эти въ лучшемъ случаѣ могли бы только ослабить гнетъ, но не уничтожить его.

Постороннія обстоятельства помогли ирландцамъ и все ихъ можно свести къ тремъ категоріямъ. Во 1) Финансовая политика острова была невозможная: на два милліона фунтовъ расхода еле-еле можно было собрать 1900000 фунт. Это было результатомъ обѣдненія страны и щедрыхъ пенсій, назначаемыхъ на счетъ ея доходовъ вліятельнымъ людямъ и королевскимъ

любимцамъ. Во 2) Экономическое положеніе страны отражалось не только на ея финансахъ, но и на англійской промышленности и торговлѣ. Англійскіе торговцы роптали, что сбытъ ихъ произведеній сильно сократился. Въ 3) наконецъ, самое рѣшительное воздѣйствіе оказали политическія затрудненія, а именно: война съ Америкою. Когда американцы начали спорить съ англичанами за свою независимость и права, то ирландцы увидѣли, что ихъ соединяетъ съ американцами общая участь и общность антипатій. До союза между американцами и ирландцами дѣло не дошло. Извѣстно однако, что Франклинъ былъ въ Дублинѣ и указывалъ тамъ на возможность общаго дѣйствія тѣхъ и другихъ. Послѣ Саратогской капитуляціи, за которою послѣдовалъ союзъ американцевъ съ французами, англійское правительство повеломъ призадумалось: а что если французы вздумаютъ опять появиться въ Ирландіи, то не будетъ ли озлобленная Ирландія очень удобною для нихъ ареной борьбы. И вотъ, чтобы смягчить немного ирландцевъ, въ 1778 году пробивается первая брешь въ стѣнѣ всяческихъ ограниченій въ отношеніи католиковъ. Законы, запрещающіе арендовать землю за ренту ниже опредѣленной нормы, ограничивающіе права наследства католиковъ и предоставляющіе право ренегату-сыну становиться опекуномъ отца, отмѣнены; также отмѣнены законы, запрещающіе быть учителемъ, адвокатомъ и другія болѣе мелкія стѣсненія. Разрѣшено пріобрѣтать собственность подъ видомъ аренды на 999 лѣтъ, причемъ арендная плата могла быть условлена полюбовно. Нѣсколько позже англичане признали также нѣкоторое равноправіе въ торговыхъ отношеніяхъ между англичанами и ирландцами.

Но вотъ англійское правительство, вынужденное обстоятельствами, само даетъ мечъ въ руки ирландцамъ. Англія, отвлекаемая войною съ Америкою, вызвала изъ Ирландіи всѣ свои войска и когда ирландскіе землевладѣльцы обратились къ министерству съ жалобой на отсутствіе войскъ, то послѣднее отвѣчало: «Если хотите быть въ безопасности, вооружитесь и защищайте себя сами». Это значило открыто признать себя политическимъ банкротомъ. Ирландцы съ радостью воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ самимъ вооружаться и быстро составили добровольные баталіоны, которые съ 8000 человекъ разрослись въ какихъ нибудь два года до 45000 чел.

Новый духъ патриотизма, предчувствовавшій что съ этого момента настаетъ новая пора въ исторіи отношеній Ирландіи къ Англіи, соединилъ одинаково какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Послѣдніе, не имѣя права носить оружіе, принимали участіе деньгами. Когда содалась въ Ирландіи такая сила, которая уже по самому происхожденію своему должна была стать на ея сторонѣ и защищать ея интересы противъ Англіи, то спорить съ Ирландіею Англіи, которая имѣла на своей шеѣ войну съ Америкой, Франціей, Испаніей оказывалось невозможнымъ. И вотъ въ парламентъ Ирландіи поднимается вопросъ о независимости ирландскаго парламента. Предложеніе *Граттана* и *Флуда* въ этомъ смыслѣ было поддержано большою демонстраціею добровольцевъ въ Дублинѣ (1780 г.). Правительство, озабоченное вѣшними дѣлами, должно было уступить въ этомъ вопросѣ настояніямъ ирландскаго депутата Граттана, поддерживаемаго, какъ мы сказали, агитаціею добровольцевъ, и признать (въ 1783 г.) законодательную независимость ирландскаго парламента.

Въ виду того, что дѣятельность ирландскаго парламента составляетъ интересную страничку въ исторіи Ирландіи, не хотѣлось бы говорить о ней слишкомъ кратко, а потому мы побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ въ слѣдующей главѣ.

II.

Если читатель постарается резюмировать все то, что было сказано въ предъидущей главѣ, то, быть можетъ, съ прійдетъ вѣсть со мною къ тому заключенію, что исторія Ирландіи, выразившаяся въ отношеніяхъ ея къ Англіи представляетъ намъ слѣдующіе четыре періода: первый періодъ обнимаетъ собою борьбу исключительно національно-политическую и длится до реформаціи. Въ этотъ періодъ времени, за исключеніемъ лишь царствованія Генриха VII, перевѣсъ былъ можно сказать на сторонѣ ирландцевъ въ томъ смыслѣ, что англичане никакъ не могли овладѣть Ирландіею, а въ культурномъ отношеніи даже подчинялись ирландцамъ. Второй,—періодъ религіозно-политической борьбы, когда борьба національно-политическая осложняется борьбой религіозною. Это—періодъ реформаціи XVI в., вплоть до конца царствованія Елизаветы. Англія употреблен-

еть всё усилія—и не безуспѣшно—для борьбы съ Ирландією; въ послѣдней же происходитъ рядъ неудачныхъ, правда, но зато грозныхъ возстаній, которыя должны были заставить англійское правительство склониться на нѣкоторыя уступки. Третій періодъ,—это время большого ирландскаго возстанія, когда Стюарты вступили въ борьбу съ парламентомъ. Возстаніе это сопровождалось систематическимъ обезземеливаніемъ ирландцевъ, закончившимся тѣмъ, что ирландцы сосредоточены были только въ западной, скалистой и болотистой части острова — въ Коннаутѣ, а ихъ земли розданы были англійскимъ колонистамъ или солдатамъ,—усмирявшимъ возставшихъ. Періодъ этотъ заканчивается Лимерикскимъ миромъ 1689 г., когда Вильгельмъ III окончательно подавилъ возстаніе и покорилъ ирландцевъ. Съ этого момента начинается четвертый и послѣдній періодъ — полная порабощенія и безправія ирландскихъ католиковъ.

Читатель видѣлъ всё тѣ мѣры и законы, которыми ирландецъ былъ лишенъ не только политическихъ и гражданскихъ, но даже и семейныхъ правъ. Я указалъ также на тотъ поворотъ въ отношеніяхъ англичанъ къ ирландцамъ въ концѣ XVIII ст., который является слѣдствіемъ причинъ отчасти внутреннихъ такъ сказать, а именно: пробужденія національнаго и общественнаго чувства въ ирландцахъ, отчасти же внѣшнихъ: Сѣверо-американскаго возстанія, къ которому какъ не безосновательно опасались англичане, могли пристать и ирландцы. Чтобы воспрепятствовать этому опасному для себя союзу, англичане согласились сдѣлать ирландцамъ нѣкоторыя уступки. И вотъ, въ драконовскихъ законахъ XVIII столѣтія, показывается первая брешь въ видѣ разрѣшенія ирландскимъ католикамъ пріобрѣтать землю если не въ собственность, то въ аренду на 999 лѣтъ, что равнозначительно пріобрѣтенію въ собственность. При этомъ арендная плата не предписывается обязательная, а предоставляется полюбовному соглашенію заинтересованныхъ въ этомъ лицъ. Отмѣняются также опека сына-протестанта надъ отцомъ-католикомъ, запрещеніе жить въ Гальве и Лимерикѣ, запрещеніе имѣть лошадь дороже 5 ф. ст. и т. п. Затѣмъ было указано намъ, что въ Ирландіи происходитъ агитация съ цѣлью освобожденія ирландскаго парламента отъ авторитета англійскаго. Для того чтобы намъ ясна стала эта агитация ирландцевъ въ пользу законодательной независимости,

намъ нужно рассмотретьъ сначала, чѣмъ именно былъ ирландскій парламентъ и каково было его положеніе.

Ирландскій парламентъ былъ подчиненъ двоякому ограниченію. Во первыхъ, законъ Пойнинга*), относящійся къ 1495 году, лишилъ ирландскій парламентъ инициативы въ изданіи законовъ. Каждый билль, вносимый въ ирландскій парламентъ, долженъ былъ быть предварительно рассмотрѣнъ въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ; парламентъ не долженъ былъ быть созываемъ, пока въ означенномъ совѣтѣ не будутъ одобрены всѣ билли, предложенныя къ внесенію въ данную сессію. Въ 1556 г. законъ Пойнинга былъ видоизмѣненъ. Созваніе парламента могло послѣдовать и раньше одобренія биллей въ совѣтѣ; но билли, предложенныя правительствомъ не могутъ подвергаться поправкамъ, а должны быть приняты или отвергнуты цѣликомъ. Во вторыхъ, по закону Георга I, слѣдовательно въ XVIII уже стол., англійскій парламентъ и помимо ирландскаго могъ издавать законы, обязательные однако для Ирландіи, не смотря на то, что въ обсужденіи этого закона представители послѣдней не принимали участія. Этими законами ирландскій парламентъ въ своей дѣятельности былъ стѣсненъ волею совѣта и волею лондонскаго парламента.

Кромѣ всего этого, и самый то ирландскій парламентъ являлся представителемъ не всей Ирландіи, а только меньшей и очень незначительной части жителей острова. Дѣло въ томъ, что по Test-act'у, изданному еще при Карлѣ II во второй половинѣ XVII столѣтія, подтвержденному для Ирландіи законами, изданными послѣ сраженія при Бойнѣ, католики были лишены правъ избирательныхъ и избираемости, слѣдовательно, ирландскій парламентъ состоялъ только изъ протестантовъ, выбранныхъ протестантами-же, новыми колонистами Ирландіи, которыхъ всего на всего было 600,000 человекъ въ четырехъ-милліонное населеніе острова.

Теперь, въ концѣ XVIII вѣка поднять вопросъ о томъ, чтобы ирландскій парламентъ сдѣлать учрежденіемъ независимымъ. Къ этому и направлена была дѣятельность «добровольцевъ», полки которыхъ, какъ было сказано въ первой главѣ,

*) Пойнингъ былъ вѣстникъ Ирландіи, и ему принадлежалъ билль этого закона.

были организованы ирландцами по предложенію самого англійскаго правительства, которое не знало, конечно, какой размѣръ и какой характеръ приметъ дѣятельность добровольцевъ. Въ самомъ парламентѣ, подъ вліяніемъ пробужденія общественнаго сознанія, также образовалась партія, такъ называемая *Земская Партія*, изъ лицъ хотя и протестантовъ, но все таки преданныхъ интересамъ Ирландіи. Во главѣ этой партіи стояли *Флудъ* и *Граттанъ*. Последний внесъ въ парламентъ резолюцію подъ именемъ «Декларации Правъ» (19 апрѣля 1780 г.) въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Одинъ король вмѣстѣ съ лордами и общинами Ирландіи имѣетъ право издавать законы, обязательные для Ирландіи. 2) Корона Ирландіи нераздѣльно соединена и будетъ соединена съ короною Англій. 3) Великобританія и Ирландія должны быть нераздѣльно связаны подъ властью одного государя общими узами интересовъ, лояльности и свободы. Когда эта резолюція была отклонена парламентомъ, то это вызвало сильное движеніе среди «добровольцевъ». Въ Дунганонѣ происходитъ въ 1781 г. собраніе 142 делегатовъ полковъ, стоявшихъ въ Ульстерѣ, которое подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго лорда *Чарльмонта* постановило нѣсколько рѣшительныхъ резолюцій въ пользу законодательной независимости Ирландіи. Намѣстникъ же Ирландіи сообщаетъ въ Лондонъ, что едва-ли возможно будетъ дальше отстаивать въ Ирландіи законы, созданные лондонскимъ парламентомъ: до того сильно движеніе противъ нихъ. Въ то же время въ Англій происходитъ перемѣна министерства и во главѣ его становится *Фоксъ*, который въ прочитанномъ имъ королевскомъ посланіи рекомендуетъ обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Какъ только ирландскому парламенту стало извѣстно желаніе правительства измѣнить положеніе ирландскаго парламента, то и въ самомъ парламентѣ также стали иначе относиться въ вопросу, и новыя резолюціи *Граттана* объ отмѣнѣ статута *Пойнтинга* и акта *Георга I* были приняты сначала въ ирландскомъ парламентѣ, а затѣмъ и въ Англій 17 мая 1782 г. Ирландскій парламентъ съ этого времени признавался *единственнымъ* законодательнымъ для Ирландіи учрежденіемъ, рѣшенія котораго не нуждаются въ санкціи англійскаго парламента, и единственною связью между Ирландіею и Англіею сталъ отнынѣ одинъ общій для обѣихъ странъ Король съ его министрами, т. е. была приа-

нана закономъ только личная уніа между двумя самостоятельными государствами. Но ирландцы не удовольствовались этою мѣрою, и вотъ, мы видимъ, начинается новое двойное движеніе. Съ одной стороны, идетъ агитація въ пользу реформы политическаго избирательнаго права, а съ другой въ пользу расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ католиковъ вообще. И за эту двойную агитацію берутся опять таки «добровольцы». Но перваго, т. е. реформы избирательнаго права гораздо труднѣе было добиться, нежели послѣдняго. Католикамъ были разрѣшены смѣшанные съ протестантами браки, было позволено имъ быть учителями, но на дарованіе католикамъ правъ избираемости ни парламентъ, ни правительство ни за что не хотѣли согласиться, потому что это значило-бы отмѣнить господство англійской колоніи въ Ирландіи. Господство же это считалось краеугольнымъ камнемъ владычества Англіи въ Ирландіи и обезпеченіемъ ея политическаго спокойствія. Попытка дать католикамъ доступъ въ парламентъ сдѣлана была Питтомъ младшимъ нѣсколько позже, какъ мы увидимъ; пока же реформа избирательнаго права осталась неосуществленною: слишкомъ сильна была въ парламентѣ клика людей, прямо заинтересованныхъ въ поддержаніи *statu quo* избирательнаго права.

Дѣло въ томъ, что многіе члены ирландскаго парламента были представителями такихъ мѣстечекъ и городковъ, гдѣ избирателей было слишкомъ мало и всѣ они зависѣли отъ помѣщика, который и распоряжался ихъ голосами какъ ему выгодноѣе было. Эти такъ называемыя «гнилыя мѣстечки», представляли для владѣльцевъ ихъ извѣстный доходъ въ томъ смыслѣ, что правительство уплачивало помѣщику опредѣленный гонораръ за пользованіе для своихъ цѣлей голосами, находящимися въ его распоряженіи, такъ что значеніе лэндлордовъ опредѣлилось въ то время не только тѣмъ, сколько у каждаго было акровъ земли, но и тѣмъ сколько въ его владѣніи избирателей. Реформа, слѣдовательно, парламентаго представительства затрогивала въ извѣстномъ смыслѣ интересы экономическіе тѣхъ же самыхъ лицъ, отъ рѣшенія которыхъ и зависѣла возможность подобной реформы.—Кромѣ того, депутаты ирландскаго парламента и сами были подкупаемы правительствомъ также, точно, какъ подкупались депутаты англійскаго парламента. Были даже подрядчики, которые брались за извѣстную сумму:

доставить правительству столько-то голосовъ.—Эти парламентскіе подрядчики составляли, по истинѣ, язву тогдашняго парламента. Намѣстникъ *Тоуншендъ* пожелалъ отдѣлаться отъ нихъ, но въ результатѣ вышло гораздо хуже, чѣмъ было до его попытки. Оказалось, что Тоуншенду приходилось самому непосредственно подкупать депутатовъ, тратить очень много и переплачивать гораздо больше, чѣмъ при помощи подрядчиковъ, достигалъ же онъ гораздо меньшихъ результатовъ. Его стали упрекать въ томъ, что онъ обременяетъ своими нововведеніями бюджетъ Ирландіи, и онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли избавить парламентъ отъ подрядческой язвы. И вотъ такихъ лицъ, засѣдавшихъ въ ирландскомъ парламентѣ, хотѣли заставить отказаться отъ своихъ выгодъ во имя какого то общаго блага, котораго они и не хотѣли да и не могли взять въ толкъ. — Въ ирландскомъ парламентѣ были впрочемъ, какъ я уже сказалъ, двѣ партіи, изъ которыхъ одна — земская партія — стояла на сторонѣ реформы и имѣла въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, какъ Граттанъ и Флудъ. Послѣдній дважды дѣлалъ предложеніе въ парламентѣ относительно реформы, но оба раза предложеніе его проваливалось. Флуда упрекали въ парламентѣ въ томъ, что онъ вноситъ въ парламентъ, въ видѣ биллей, резолюціи делегатовъ полковъ добровольцевъ, которые (делегаты) собирались въ это время въ Дублинѣ подъ именемъ Національнаго Конвента.—Эти упреки имѣли основаніе. Флудъ былъ членомъ Національнаго Конвента и дѣйствительно облекалъ въ форму биллей резолюціи послѣдняго. Двойная неудача Флуда была въ то-же время и неудачею добровольцевъ. Потерпѣвъ ее, они сходятъ со сцены и больше не играютъ никакой роли. Результатомъ возбужденнаго ими движенія было предоставленіе гражданскихъ правъ католикамъ и облегченіе торговыхъ стѣсненій. Наступило шесть лѣтъ затишья, но это было затишье передъ бурей, которая разразилась чрезъ какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ, но матеріалъ для которой продолжалъ накапливаться во все это время.

Событія осложняются. Наступаетъ 1789 годъ. Во Франціи быстро совершалось крушеніе стараго порядка и, казалось, также быстро торжествовалъ порядокъ новый. 14 іюля, ночь 4-го августа, переѣздъ короля въ Парижъ, провозглашеніе естественныхъ правъ человека и гражданина, все это — событія

всѣмірно-историческаго значенія. Ихъ сопровождала вѣра въ зидательную силу свободы, вѣра въ силу человѣческаго разума, въ способность его передѣлать жизнь міра и осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ. Словомъ, это было время еще не помутившихся надеждъ и упованій. Люди вѣрили, что стоитъ только что либо сдѣлать доступнымъ разуму, чтобы это разумное осуществилось, и на оборотъ, достаточно выяснить неразумность существующаго, чтобы оно исчезло. Значеніе чувства и привычки, и вліянія преданій не признавались вовсе, или имъ придавалось весьма мало значенія въ историческомъ развитіи человечества. Увлеченіе провозглашенными принципами было такъ всеобще, что едва-ли можно было сыскать хоть одного человѣка, который бы не поддавался этому обаянію. Одинъ нѣмецъ, который былъ въ Парижѣ во время праздника федераціи, пишетъ: я забылъ въ это время, что я нѣмецъ, и первый разъ въ жизни почувствовалъ себя *человѣкомъ*. Такъ дѣйствовало на людей всѣхъ націй провозглашеніе *droits de l'homme et de citoyen*, а тѣмъ сильнѣе должно было оно подѣйствовать на угнетенныхъ въ теченіе вѣковъ ирландцевъ. Подъ вліяніемъ этого возбужденія образовалось «Общество соединенныхъ ирландцевъ», которое состояло изъ протестантовъ и католиковъ. Общество это раздѣлялось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала реформы избирательнаго права, другая же—установленія одинаковыхъ политическихъ правъ для католиковъ и протестантовъ, т. е. для всѣхъ ирландцевъ. Противъ послѣдней тенденціи «соединенныхъ ирландцевъ» въ Ульстерѣ начинается движеніе, или контр-агитація крайнихъ протестантовъ. Оно выразилось въ образованіи обществъ подъ названіемъ «Рыцари или Молодцы разсвѣта». Похожіе по своей организаціи и способу дѣйствій на бѣлыхъ ребятъ, рыцари разсвѣта нападаютъ на католиковъ, жгутъ ихъ дома, безчинствуютъ, грабятъ и убиваютъ. Католики также составляютъ банды «Защитниковъ», которыя не ограничиваются оборонительными только мѣрами, но и сами нападаютъ на протестантовъ, мстя имъ за всѣ причиняемыя бѣдствія. Въ ирландіи происходятъ такимъ образомъ постоянныя столкновенія между «Молодцами разсвѣта» и «Защитниками», которыя опустошаютъ островъ и истребляютъ его населеніе. Необходимо было подумать о какихънибудь мѣрахъ. Къ счастью, англійское министерство находилось въ то время въ рукахъ человѣка

въ высшей степени талантливаго, съ широкимъ умомъ, чело-
вѣка, имя котораго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Англіи
Я говорю о *Питтѣ*—младшемъ.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановить на
мгнуту мысль читателя на воспоминаніи объ этомъ государ-
ственномъ дѣятелѣ, сынѣ знаменитаго Вилльяма Питта. Еще
молодымъ человѣкомъ онъ удивлялъ всѣхъ своими феноменаль-
ными способностями. Будучи мальчикомъ 14 лѣтъ, онъ поражалъ
классиковъ знаніемъ классическихъ языковъ, поражалъ матема-
тиковъ знаніемъ математики. Отъ отца своего онъ унаслѣдо-
валъ способности и нѣкоторыя черты его характера. Гордость,
какъ и у отца, составляла выдающуюся черту его характера;
чудный, гармоничный голосъ, способный выразить всѣ тончай-
шія движенія человѣческой души наслѣдованъ былъ имъ отъ
него-же. Также какъ и отецъ, онъ былъ быстръ, находчивъ,
страшенъ своимъ сарказмомъ. Отецъ его былъ человѣкъ страсти
и увлеченія,—сынъ былъ сдержанъ и умѣлъ поразительно вла-
дѣть собою во время рѣчи. Если отецъ былъ мастеромъ ораторскаго искусства, то и сынъ не уступалъ ему въ этомъ.
Какъ тотъ, такъ и другой отличались въ своихъ рѣчахъ силою
выраженія и красотой построенія. Но между сыномъ и отцомъ
была и значительная разница. Питтъ старшій былъ ораторомъ,
которымъ совершенно овладѣвало чувство, и онъ отдавался ему
безъ оглядки. Его рѣчь лилась бурнымъ потокомъ, увлекавшимъ
и его слушателей и его самого. Этотъ потокъ выносилъ наружу
его сокровенныя мысли и чувства. Когда во время семилѣтней
войны его голова была полна политическихъ тайнъ и военныхъ
плановъ, онъ нерѣдко говаривалъ: «Мнѣ сегодня надо сидѣть
спокойно и не говорить, ибо если я разъ начну говорить, то
все, что ни есть въ душѣ моей, выйдетъ наружу». Сынъ же,
напротивъ, отличался краснорѣчіемъ спокойнымъ, академиче-
скимъ, что называется.

Маколей въ своей характеристикѣ Питта замѣчаетъ, что
если многихъ государственныхъ людей Англіи можно упрекнуть
въ томъ, что они, благодаря слишкомъ одностороннимъ и обиль-
нымъ занятіямъ классическими языками, не вполне владѣютъ
своимъ роднымъ языкомъ, то относительно Питта этого сказать
нельзя было. Когда ребенкомъ, сидя на колыбель у отца, онъ
отвѣчалъ ему уроки, послѣдній читалъ ему Овидіа или Цицерона.

перона и заставлялъ тутъ же вслухъ переводить читаемое на англійскій языкъ, и не какъ нѣбудь, а хорошимъ, обработаннымъ языкомъ. Онъ учился отдѣлывать англійскую рѣчь по этимъ великолѣпнымъ образцамъ и достигъ высокой степени совершенства. Съ перваго появленія своего въ парламентъ онъ сталъ сплюю своего краснорѣчія выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ безъ приготовленія умѣлъ излагать свои мысли въ длинномъ потокѣ величественныхъ и округленныхъ періодовъ, никогда не затрудняясь въ выборѣ слова, никогда не повторяя одного и того же слова. Онъ говорилъ голосомъ звучнымъ и серебрянымъ и съ такою чистотою выговора, что у него не пропадало ни одной буквы. Его рѣчь была обильна, обработана, блпстательна. Можетъ быть ни одинъ ораторъ,—древній или новый,—не превосходилъ его въ силѣ сарказма, но онъ безпощадно пользовался этимъ страшнымъ орудіемъ. Онъ былъ необыкновенно опытенъ въ двухъ отдѣлахъ ораторскаго искусства, которые имѣли оба величайшую важность для перваго министра. Никто лучше его не умѣлъ быть яснымъ и никто лучше его не умѣлъ быть темнымъ. Когда онъ хотѣлъ, чтобы его поняли, это ему всегда удавалось. Онъ всегда умѣлъ дать своимъ слушателямъ понятіе не очень точное, но всегда ясное, популярное и удовлетворительное о предметахъ самыхъ запутанныхъ и самыхъ обширныхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, ничего не было забыто; мелкія подробности, сумма денегъ, все вѣрно сохранялось въ его памяти. Самые запутанные финансовыя вопросы, объясненные имъ, казались ясными самымъ простымъ изъ его слушателей. Съ другой стороны, когда онъ не хотѣлъ, чтобы его поняли,—и какой же человѣкъ, стоящій во главѣ дѣлъ, хочетъ быть всегда понятимъ?—у него былъ необыкновенный даръ ничего не сказать, но такимъ языкомъ, что его слушателямъ казалось, что онъ сказалъ очень много. Словомъ, это былъ единственный человѣкъ, который былъ въ состояніи изложить бюджетъ безъ счетовъ и импровизировать самую уклончивую и самую туманную изъ всѣхъ рѣчей—тронную рѣчь короли.

Съ 20 лѣтнаго возраста онъ выступаетъ уже на арену общественной дѣятельности въ качествѣ члена парламента, а 24 лѣтъ онъ уже былъ первымъ министромъ. Въ разсматриваемое нами время мы застаемъ Пятта еще вигомъ. Онъ отнесся отрицательно къ протестантскому движенію въ Ирландіи, выз-

вавшему такіа печальныя столкновеціа между «рыцарями разсвѣта» и «защитниками». Въ тронной рѣчи, которою былъ открытъ парламентъ 10 января 1793 года указывается необходимость обратить вниманіе на положеніе католиковъ и высказывается надежда на либерализмъ и мудрость парламента. Вслѣдъ затѣмъ былъ внесенъ въ ирландскій парламентъ билль, который въ дополненіе къ прежде сдѣланнымъ уступкамъ прибавлялъ новыя. Расширены были права католиковъ въ отпращеніи богослуженія и въ дѣлѣ образованія. Кроме того имъ предоставлено было занимать военныя и гражданскія должности и избирательное право въ общинныхъ городскихъ и государственныхъ выборахъ, но они получали только право избирать, но не быть избираемыми. Подобныя предложенія были вносимы немного раньше въ парламентъ стараніями «соединенныхъ ирландцевъ», но были отклоняемы. Теперь, когда правительство высказалось за внесенный билль, онъ былъ принятъ. Это былъ послѣдній шагъ въ XVIII столѣтіи на пути улучшенія положенія Ирландіи.

Дальше обстоятельства осложняются. Какъ и въ остальной Европѣ, въ Англіи событія 1793 г. произвели сильное впечатлѣніе. Терроръ испугалъ европейское общество до крайней степени. Европа какъ бы раздѣлилась на два лагеря, причемъ всѣ крайніе элементы стали на сторону террора, другіе же элементы не только консервативные, но даже и либеральные, если они только не были съ крайнимъ оттѣнкомъ, отклонились въ правую сторону и не только стали противъ террора, но и вообще противъ всякаго прогрессивнаго движенія. Въ началѣ 1793-же года возникаетъ война между Англіею и Франціею и естественное дѣло, что французы стараются воспользоваться Ирландіею, какъ очень удобною почвою для дѣйствій противъ Англіи. Агенты французскіе, между ними главнымъ образомъ *Джаксонъ*, зондируютъ почву Ирландіи. Джаксона арестуютъ и у него находятъ бумаги, указывающія на то, что нѣкоторые члены «Общества соединенныхъ ирландцевъ» находились въ сношеніяхъ съ нимъ, такъ что одному изъ вожаковъ общества *Вольфъ-Тону* пришлось бѣжать въ Америку.

Въ «Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ» выдѣляется радикальная партія, стремящаяся добиться полной независимости Ирландіи отъ Англіи. Но выѣстъ съ тѣмъ, какъ бы въ противовѣсъ этой партіи, образуется другая, которая недовольна

уступками, сдѣланными католикамъ. Прежніе умѣренные бойцы оказались между двухъ огней. Съ одной стороны, радикальная партія признаетъ ихъ консерваторами, окоченѣвшими на одномъ пунктѣ и неспособными двинуться впередъ, съ другой стороны— ультра-протестантская партія смотритъ на нихъ, какъ на опасныхъ новаторовъ. Но въ чести этихъ бойцовъ нужно сказать, что они твердо держались своихъ убѣжденій въ это трудное время и не смущались недовольствомъ ни однихъ, ни другихъ. Ирландскій же парламентъ между тѣмъ вступаетъ на путь реакціи. Онъ издаетъ законъ, которымъ запрещается ввозъ въ Ирландію откуда бы то ни было оружія и запрещающій также всякаго рода собранія. Последнее было направлено очевидно противъ собраній членовъ «Общества соединенныхъ ирландцевъ», которые однако не прекратили вслѣдствіе этого своего существованія, а перешли только изъ положенія легальнаго въ нелегальное и образовали тайное общество. При этомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, умѣренные элементы уклонились, а взяли перевѣсъ люди крайняго направленія. Защитники предложенныхъ биллей доказывали необходимость стѣснительныхъ мѣръ, ссылаясь на примѣръ Франціи. По ихъ словамъ уступчивость французскаго правительства довела до тѣхъ ужасовъ, свидѣтелями которыхъ были современники 1793 года. Граттанъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, является противникомъ стѣснительныхъ мѣръ и предостерегаетъ правительство отъ той наклонной плоскости, на которую оно хочетъ вступить по пути реакціи. По поводу ссылки на примѣръ Франціи онъ сказалъ въ парламентѣ слѣдующее: «Остерегитесь, остерегитесь примѣра Франціи, говорятъ намъ. Да, но если Франція должна служить назиданіемъ, то берите примѣръ цѣликомъ. Если ея конвентъ служитъ предостереженіемъ противъ пороковъ республики, то причины, вызвавшія этотъ самый конвентъ должны служить предостереженіемъ противъ злоупотребленій монархіи. Франція не хотѣла ничего неправлять пока злоупотребленія не накопились, и тогда вооруженныя массы опрокинули государство». Но эта рѣчь Граттана, какъ и многія другія его рѣчи, осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь. Борьба между тѣмъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. «Общество соединенныхъ ирландцевъ» обратилось, какъ я сказалъ уже, въ тайное. Оно организуется: во всѣхъ округахъ и графствахъ были кружки изъ членовъ общества; въ Дублинѣ

же — національный конвентъ изъ делегатовъ этихъ кружковъ. Главными руководителями дублинскаго конвента были *О'Бонноръ* и *Фицъ-Джеральдъ*. Особенно цѣнно было для «Общества соединенныхъ ирландцевъ» привлеченіе на свою сторону послѣдняго.

Предки Фицъ-Джеральда были флорентійскіе итальянцы, переселившіеся въ Ирландію. По матери Фицъ-Джеральдъ былъ родственникомъ Стюартовъ, по отцу же потомкомъ тѣхъ Джеральдовъ, которые боролись уже нѣкогда за свободу Ирландіи. Все въ этомъ молодомъ человѣкѣ располагало къ нему: красивый, умный, съ открытою душою, пріятнаго нрава — онъ скоро становился общимъ любимцемъ. Жизнь его была исполнена приключеній. Между прочимъ большой шумъ надѣлала связь его съ женою извѣстнаго парламентскаго дѣятеля *Шеридана*. Она влюбилась въ него со всею силою увядающей молодости; но она не выдержала своего ложнаго положенія и вскорѣ умерла отъ стыда, искренно оплакиваемая и мужемъ, и любовникомъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхала въ Лондонъ гувернантка семьи герцога Орлеанскаго г-жа *Жанлисъ* и съ нею прибыла дѣвушка, которую звали *Памеллой*. Она очень заинтересовала высшіе круги Лондона и своею красотою и загадочностью своего происхожденія. Про нее говорили, что она не воспитанница, а дочь г-жи *Жанлисъ* и отцомъ ея называли самаго герцога Филиппа Орлеанскаго. Ко всему этому прибавлялось еще то, что *Нанси-Симсъ* (*Nancy Sims*), таково было настоящее имя Памеллы — была, какъ двѣ капли воды, похожа на покойную г-жу Шериданъ. Еще большаго шуму надѣлало то обстоятельство, что и почтенный Шериданъ и молодой Фицъ-Джеральдъ, оба влюбились до безумія въ загадочную иностранку. Послѣдняя, понятно, отдала предпочтеніе молодому Фицъ-Джеральду. Когда Памелла съ г-жею *Жанлисъ* поѣхали во Францію, то и онъ поѣхалъ за ними туда же и попалъ въ Парижъ въ то время, когда тамъ создавалась конституція, надежды на будущее были въ полномъ разцвѣтѣ, а разочарованіе и ужасъ не коснулись никого, или почти никого. Пребываніе въ Парижѣ было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Фицъ-Джеральда. Со всѣмъ пыломъ юности онъ увлекся господствующимъ движеніемъ и былъ отъ него въ восторгѣ. «Во всѣхъ кафе, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, пишетъ онъ, обращаются другъ съ другомъ, какъ съ товарищами, и когда

появляется иностранецъ ему сейчасъ же говорятъ : «О! Мы всѣ братья; наши побѣды одержаны для васъ, для всего міра».

Фицъ-Джеральдъ сошелся съ англійскимъ демократомъ *Томасомъ Пиномъ*, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ; обѣдали они всегда вмѣстѣ. Оба друга вмѣстѣ съ другими англичанами устроили пиръ, торжествуя республиканскія побѣды Франціи и отступление иностранныхъ армій (1792 г.). На этомъ пиру между другими здравицами пили за уничтоженіе наследственныхъ титуловъ, и Фицъ-Джеральдъ тутъ же отрекся отъ своего титула лорда. Онъ писалъ домой и просилъ, чтобы ему адресовали письма такъ: гражданину Эдуарду Фицъ-Джеральду, гостинница Уайтъ, пассажъ Petits-Pères, около Пале-Рояля.

Любовь шла объ руку съ политикой. Послѣ продолжительнаго ухаживанія онъ женился на Памеллѣ. Этотъ бракъ вызвалъ неодобреніе въ высшихъ кругахъ Лондона, какъ бракъ неприличный для герцога, и докончилъ тотъ разрывъ, который начался между Фицъ-Джеральдомъ и этими кругами, благодаря политическому поведенію перваго. Теперь послѣ брака съ Памеллою, онъ былъ исключенъ изъ списковъ офицеровъ англійской арміи.—Въ началѣ 1793 года онъ возвращается съ молодою женою въ Лондонъ. Онъ рѣшается примѣнить къ дѣлу усвоенныя имъ идеи и принимаетъ участіе сначала въ дѣятельности ирландскаго парламента, а потомъ въ «Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ», и именно въ тотъ моментъ, когда послѣднее готовило уже возстаніе съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англій. Съ самаго начала, какъ военный человекъ, служившій не безъ отличія въ американской войнѣ, да къ тому же еще и носившій славное имя, Фицъ-Джеральдъ получаетъ преобладающее вліяніе. Исполнительный комитетъ рѣшается искать помощи у Франціи для освобожденія Ирландіи отъ Англій. Фицъ-Джеральдъ и О'Коноръ отправляются туда съ этой цѣлью. О'Коноръ видѣлся съ генераломъ *Гошемъ* и расположилъ его въ пользу Ирландіи. Экспедиція была снаряжена довольно значительная и поставлена была подъ надежное начальство генерала Гоша. Это былъ критическій моментъ въ судьбахъ Ирландіи. Высадка могла рассчитывать на значительную поддержку со стороны организованныхъ «соединенныхъ ирландцевъ»; Англія не могла оказать серьезнаго сопротивленія. Освобожденіе Ирландіи казалось близкимъ и вѣроятнымъ. Но стихіи разрушили эти надежды. Страш-

ная буря разметала всю эскадру Гоша. Большая часть кораблей спаслась въ Брестъ; корабль, на которомъ былъ Гошъ, нашелъ убѣжище въ Лоршелли (1796 г.). Эта неудача не остановила соединенныхъ ирландцевъ. Они снова завязываютъ сношеніе съ Франціей и, въ ожиданіи общанной помощи, готовятъ одновременное возстаніе въ нѣсколькихъ пунктахъ Ирландіи. Возстаніе было назначено на май 1798 г., но раньше еще оно было разоблачено правительству купцомъ *Рейнольдсомъ*, въ квартирѣ котораго собирались заговорщики. Почти всѣхъ ихъ арестовали; Фицъ-Джеральду же удалось бѣжать. Правительство и не хотѣло впрочемъ арестовать его; намѣстникъ велѣлъ смотрѣть сквозь пальцы на то, если бы онъ захотѣлъ бѣжать за границу. Но ему не хотѣлось бѣжать; чувство чести мѣшало ему оставить начатое дѣло. Къ тому же не хотѣлось на долго разставаться съ женою. Онъ удовольствовался тѣмъ, что перемѣнилъ квартиру. Это оказалось роковымъ. Его убѣжище было открыто шпиономъ. Правительство видѣло, что онъ не хочетъ бѣжать, а желаетъ продолжать свое дѣло, оно приказало взять его. Когда проникли къ нему ночью, то между нимъ и агентами правительства завязалась отчаянная борьба. Израненный и обезсиленный онъ наконецъ былъ взятъ и препровожденъ въ тюрьму. Смерть отъ ранъ избавила его отъ позорной казни.

Послѣ ареста членовъ главнаго исполнительнаго комитета въ Дублинѣ и смерти Фицъ-Джеральда подготовка возстанія не остановилась. Оно только потеряло единство. Надо прибавить къ этому, что англійское правительство въ Ирландіи сдѣлало очень многое, чтобы возстаніе произошло и ничего не сдѣлало, чтобы предупредить его.

Въ май 1798 года оно началось безпорядочно, вестройно, отдѣльными вспышками, которыя безъ труда были потушены. За то легкость подавленія возстанія не уменьшила ни сколько жестокости репрессіи. Убійства, насилія надъ женщинами, пожары и разореніе сопровождали всюду появленіе отрядовъ англійской арміи. Возставшіе платили притѣснителямъ тою же монетою. Съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ жгли живьемъ. Англичане сожгли своихъ плѣнныхъ въ Эннискортѣ, ирландцы—въ Скуллабогѣ. Еще одно замѣчаніе: большинство вожаковъ возставшихъ въ Ульстерѣ, Мунстерѣ и Лейнстерѣ были протестанты,

такъ что лордъ Клэръ (Кэстльри) не безъ основанія писалъ: «это—якобинскій заговоръ, пользующійся папистами, какъ орудіемъ». Только въ одномъ мѣстѣ возстаніе имѣло успѣхъ болѣе продолжительный, это въ Вэксфордѣ. Возставшимъ подѣ начальствомъ священника *Морфіа* удалось овладѣть городомъ. Не видя возможности хорошо утвердиться въ немъ, они укрѣпили близъ лежащей Винегаръ-Гилль (уксусный холмъ) и сдѣлали его базисомъ своихъ дѣйствій. Когда прибылъ съ войсками генералъ *Лэкъ*, здѣсь произошла отчаянная битва между войсками и псургентами. Лордъ Клэръ писалъ про возставшихъ: «Возставшихъ ведутъ въ бой священники; на ходу они становятся на колѣни, молятся и потомъ дѣлаютъ нападеніе съ отчаянною рѣшимостью». Англичане одержали полную побѣду. Вэксфордъ сдался; возстаніе было подавлено; но расправа и раззореніе продолжались еще долго. Назначенный въ это время намѣстникомъ Ирландіи и главнокомандующимъ войсками лордъ *Корнуэльсъ* не былъ расположенъ къ жестокости; не смотря на сопротивленіе Клэра, который въ званіи лорда-канцлера пользовался большой силой, онъ даже добился отъ ирландскаго парламента изданія довольно широкой амнистіи. Но Корнуэльсъ ничего не могъ сдѣлать съ разнузданными войсками. Долгая практика грабежа, убійствъ и насилій разрушила въ нихъ дисциплину. Корнуэльсъ писалъ, что только однимъ резономъ ему удавалось иногда останавливать раззореніе мѣстностей. Онъ говорилъ грабителямъ, что они раззоряютъ то, что впослѣдствіи должно принадлежать имъ же. Когда возстаніе было уже подавлено, явилась помощь со стороны Франціи. Небольшая эскадра высадила небольшой отрядъ войска подѣ начальствомъ генерала *Умбера* въ Киллалъ, на с.-з. берегу Ирландіи. Сначала французы имѣли успѣхъ. Генералъ Лэкъ съ его разнузданными бандами потерпѣлъ отъ французскаго генерала пораженіе, не смотря на то, что численное превосходство англичанъ надъ французами было очень значительно. Когда однако прибылъ затѣмъ Корнуэльсъ съ войсками свѣжими и сохранившими порядокъ, французы не могли удержаться въ Ирландіи. Они должны были воротиться во свояси. Эта экспедиція не возбудила вновь возстанія. Оно было уже мертво.

Итакъ, разсмотрѣнный нами періодъ времени закончился грандіознымъ возстаніемъ. Не естественна ли была мысль, какъ

бы сама собою напрашивавшаяся: слѣдуетъ ли терпѣть теперь на ряду съ англійскимъ парламентомъ и ирландскій, особенно въ виду войны съ Франціей, которая пользовалась такими симпатіями въ Ирландіи? Питтъ категорически отвѣчалъ на этотъ вопросъ: нѣтъ, не слѣдуетъ. Онъ отвѣтилъ такимъ образомъ не только потому, что произошло возстаніе. Питтъ прекрасно понималъ, что въ Ирландіи существуютъ различныя партіи, которыя далеко не во всемъ согласны между собою, и что несправедливо и неполитично за ошибки, допущенныя одною изъ этихъ партій, наказывать всѣ, лишая ихъ учрежденія, служившаго органомъ ихъ жизни. Но ему гораздо болѣе важнымъ казалось то обстоятельство, что при помощи двухъ парламентовъ управлять очень трудно и нелегко добиться согласнаго дѣйствія съ ихъ стороны даже въ наиболѣе серьезныхъ вопросахъ. Такъ напримѣръ, когда онъ захотѣлъ провести начала свободной торговли, то ирландскій парламентъ принялъ его 11 резолюцій, а англійскій не принялъ. Во второй разъ, когда у Георга III стали замѣчаться признаки умопомѣшательства и возникъ вопросъ: какъ быть, долженъ ли пользоваться регентъ всѣми правами короля, или нѣтъ, и если не всѣми, то какими именно, то и въ этомъ случаѣ оба парламента дали два совершенно противоположныхъ рѣшенія: англійскій принялъ резолюцію, что регентъ пользуется всѣми правами, ирландскій же,—что не всѣми. Къ счастью, Георгъ III тогда выздоровѣлъ и это невозможное положеніе не имѣло практическаго значенія. Но, какъ мы видимъ, даже въ такихъ важныхъ и серьезныхъ для государства вопросахъ нельзя было добиться единодушія отъ двухъ парламентовъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ подобнаго рода обстоятельствъ у Питта является мысль о сліяніи ирландскаго парламента съ англійскимъ. Въ январѣ 1799 года давно обсуждавшійся вопросъ поставленъ былъ на очередь въ парламентскихъ дѣлахъ и при томъ сразу въ обоихъ парламентахъ. Защищая свое предложеніе въ англійскомъ парламентѣ, Питтъ доказывалъ, что рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ скорѣе можетъ состояться въ соединенномъ парламентѣ, чѣмъ въ отдѣльныхъ и что соединенію должно благоприятствовать то, что Ирландія говоритъ тѣмъ же языкомъ, имѣетъ тѣ же законы и нравы, какъ и Великобританія (на самомъ дѣлѣ, было какъ разъ на оборотъ). Въ

англійскомъ парламентѣ приняты были резолюціи, благопріятныя униі; но въ ирландскомъ парламентѣ Питтъ потерпѣлъ неудачу. Резолюція объ униі была отвергнута большинствомъ 109 голосовъ противъ 104 и это рѣшеніе палаты было отпраздновано жителями Дублина блестящею иллюминаціею. Тогда Кларъ подалъ обстоятельный докладъ, въ которомъ онъ разъяснялъ, что обыкновеннымъ путемъ побѣдить сопротивление ирландскаго парламента нельзя будетъ, что болѣе удобно и цѣлесообразно въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на матеріальные интересы, которые затрогиваются уничтоженіемъ ирландскаго парламента. Онъ указалъ на землевладѣльцевъ-протестантовъ, на адвокатовъ, парламентскихъ подрядчиковъ и многихъ другихъ, которые все теряли часть своихъ доходовъ отъ уничтоженія парламента; поэтому онъ предлагалъ вознаградить ихъ за эти потери. Въ докладѣ подробно исчислены статьи предполагаемаго расхода: владѣльцамъ гнилыхъ мѣстечекъ—756000 ф. ст., адвокатамъ—200000 ф. ст., покупателямъ парламентскихъ мѣстъ—75000 и т. д., всего лордъ-канцлеръ Кларъ предполагалъ израсходовать на приобрѣтеніе большинства голосовъ полтора милліона ф. ст. (на наши деньги 15 милліоновъ рублей). Правительство поторговалось немного и сошлись на 1,260,000 ф. ст. Герцогъ Корнуэльсъ находилъ, что этихъ подкуповъ будетъ недостаточно для рѣшенія дѣла, если съ униєю не будетъ связанъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ лорда Кларъ въ Лондонъ для разъясненія министерству взглядовъ намѣстника. Послѣ обсужденія дѣла присутствующіе министры высказались въ пользу эмансипаціи католиковъ; имѣя, однако, въ виду мнѣнія отсутствующихъ товарищей, а главное, мнѣніе короля, они не рѣшились связать вопросъ объ эмансипаціи съ вопросомъ объ униі; но они приказали лорду Клару сообщить герцогу Корнуэльсу, что онъ не долженъ давать католикамъ никакихъ категорическихъ обѣщаній, но можетъ дать имъ понять, что существуютъ всѣкія основанія полагать, что эмансипація католиковъ состоится, если рѣшенъ будетъ вопросъ объ униі. Такимъ путемъ старались задобрить католиковъ. Когда дѣло было такимъ образомъ сдѣлано и Кларъ заплатилъ кому слѣдовало, ирландскій парламентъ согласился на собственное уничтоженіе. Предложеніе, которое прежде имѣло за себя всего 104 голоса, прошло теперь значительнымъ большинствомъ голо-

совъ, 158 противъ 115. Напрасно старался Граттанъ всѣми силами удержатъ членовъ парламента отъ политическаго самоубійства. Когда дѣло уже было рѣшено и резолюція благопріятная униі принята, онъ обратился къ парламенту съ такими словами: «Конституція можетъ быть на извѣстное время потеряна, но цѣлый народъ не можетъ затеряться. Министры короны должны будутъ въ концѣ-концевъ сознаться, что вовсе не такъ легко достойную уваженія націю всегда держать въ униженіи искусственными мѣрами и большими подкупамъ. Свобода снова возвратитъ себѣ свои золотые лучи и съ сугубой теплотой согрѣетъ ими землю... Я не считаю свою отчизну погибшею, я вижу, она въ забытіи; но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ могилѣ безпомощно и неподвижно, но на ея устахъ еще играетъ духъ жизни и блескъ красоты... Пока цѣла хотя одна доска корабля, я буду за нее держаться... вѣрный судьбѣ моей родины, вѣрный свободѣ, вѣрный ей даже до гибели».

Эти исполненныя глубокаго чувства слова произвели мало впечатлѣнія на сердца и умы людей, ослѣпленныхъ блескомъ англійскаго золота. Такъ прекратилъ свое существованіе ирландскій парламентъ въ 1800 году! Условія, на которыхъ произведено было соединеніе, были слѣдующія: Ирландія посылаетъ 100 депутатовъ въ англійскій парламентъ, изъ которыхъ 64 отъ графствъ, а 36 отъ городовъ и мѣстечекъ. Число ея депутатовъ въ отношеніи къ числу депутатовъ Великобританіи поставлено было, слѣдовательно, какъ 1 къ $5\frac{1}{2}$, хотя число жителей Великобританіи къ числу жителей Ирландіи относилось какъ $2\frac{1}{2}$:1. Объясненіе такого несоразмѣрнаго уменьшенія числа депутатовъ Ирландіи, лордъ Кларъ (Кестльри) находилъ въ томъ, что общая сумма податей, уплачиваемыхъ Великобританіею относится къ суммѣ податей Ирландіи, какъ $7\frac{1}{2}$:1. Поэтому, говорилъ онъ, рѣшили взять среднее отношеніе между указанными и получилось отношеніе $5\frac{1}{2}$:1, которымъ опредѣлилось число депутатовъ Ирландіи. Объясненіе вполне торгашеское! Какое же значеніе имѣла для Ирландіи эта мѣра? — На первый взглядъ можетъ показаться, и многіе историки держатся того мнѣнія, что событіе это не имѣло большаго значенія для Ирландіи, потому что, говорятъ эти историки, что ирландскій парламентъ на самомъ то дѣлѣ не былъ ирландскимъ, а являлся представителемъ всего на всего 600000 протестант-

скаго населенія. Съ справедливостью этого довода нельзя не согласиться, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что во 1) ирландскій парламентъ, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, подлежалъ со временемъ усовершенствованію и улучшенію, такъ что онъ со временемъ могъ бы стать истиннымъ представителемъ страны и выразителемъ ея нуждъ; во 2) даже и эти представители-протестанты все таки были въ *своей* странѣ; стало быть, при всемъ своемъ эгоизмѣ, они волей-неволей удовлетворяли интересы населенія всей страны, подчиняясь хотя и не въ значительной степени давленію общественнаго мнѣнія.—Что это дѣйствительно такъ было, мы видѣли на примѣрѣ земской партіи съ Граттаномъ и Флудомъ во главѣ. Самое существованіе этой земской партіи и достигнутыя ею реформы доказываютъ справедливость нашего предположенія, что ирландскій парламентъ сталъ бы со временемъ ирландскимъ и по духу, не только по имени. Въ 3) наконецъ, эти люди, которые избирались до сихъ поръ въ депутаты ирландскаго парламента какъ ни какъ, а были все таки у себя дома и слѣдовательно больше могли знать мѣстныя нужды, нежели люди, сидящіе въ лондонскомъ парламентѣ. Вотъ соображенія, которыя говорятъ противъ тѣхъ взглядовъ, что ирландскій парламентъ былъ только символомъ ирландской автономіи и что уніа не имѣла никакого существеннаго значенія для Ирландіи. Потеря Ирландіи была несомнѣнна. Она могла бы быть въ значительной степени смягчена дарованіемъ католикамъ права быть избираемыми въ соединенный парламентъ. Какъ мы знаемъ, они надѣялись на это. По совершеніи уніа, Питтъ поставилъ этотъ вопросъ въ совѣтъ министровъ; но встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Георга III. У него не хватило твердости настоять предъ королемъ на своемъ мнѣніи, пригрозивъ отставкою министерства, и дѣло эмансипаціи католиковъ отложено было на тридцать лѣтъ.

Теперь я опять вынужденъ уклониться на нѣсколько минутъ въ сторону и сказать два слова о вліяніи на англійское общество, какъ и на всю Европу, эпохи Наполеоновскихъ войнъ. Эпоха эта закончившаяся Вѣнскимъ конгрессомъ вызвала во всѣхъ общее утомленіе. Это обыкновенная сторона человѣческаго духа, что послѣ сильнаго возбужденія настаетъ утомленіе, когда только и хочется, что отдаться полному, ничѣмъ не возмущаемому покою, и не радъ бываешь, если тебя во время та-

кого покоя вздумаютъ подвинуть къ дѣятельности; является даже раздраженіе. Конечно, *la comragaison n'est pas la raison*, но все таки подобную черту мы легко подмѣтимъ и въ обществѣ, точно также какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Такой періодъ затишья, утомленія общества мы видимъ послѣ 1815 года. Въ десять лѣтъ революціи люди пережили такъ много, сколько передъ тѣмъ не переживали въ цѣлое столѣтіе. Въ пятнадцать лѣтъ Наполеоновской диктатуры Европа видѣла такъ много перемѣнъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ устройствѣ, въ общественномъ устройствѣ, въ общественной организаціи... Эти перемѣны слѣдовали другъ за другомъ съ такой быстротою, что люди едва успѣвали очнуться отъ одного зрѣлища, какъ передъ ихъ недоумѣвающимъ взоромъ вставало другое, не менѣе неожиданное. Европейскія отношенія были потрясены въ своихъ основаніяхъ, испровергнуты были старинныя учрежденія, древнія традиціи были отвергнуты, могущественные интересы были нарушены, и надъ всѣмъ торжествовала диктатура человѣка, цѣнившаго людей на вѣсъ пущечнаго мяса; его поддерживала нація, опьяненная національной гордостью и военною славой, и изъ конца въ конецъ носились по Европѣ эти легіоны, проливая потоки крови въ громадныхъ сраженіяхъ. На поляхъ Бородина начался послѣдній актъ этой исторической трагикомедіи, заревоу московскаго пожара освѣщено было грядущее возстаніе народовъ противъ всемірнаго господства; на поляхъ Лейпцига пало владычество Наполеона надъ Европой, на высотахъ Монмартра уничтожено его господство надъ Франціей. Милліардами денегъ и милліонами жизней считаются потери Европы въ Наполеоновскихъ войнахъ. Покончивъ ихъ, европейское общество старается обезпечить свое спокойствіе. Чѣмъ? — Реакціей противъ принциповъ 89 года, въ которыхъ видѣли корень всего зла. Сами бывые сторонники послѣднихъ во множествѣ перешли въ лагерь реакціи, подъ вліяніемъ отчасти разочарованія, вызваннаго революціоннымъ временемъ, частью подъ вліяніемъ испуга. Мы говорили о томъ, какъ была велика вѣра въ силу человѣческаго разума, въ живодавческую силу свободы, въ умиротворяющее значеніе принципа равенства. Что случилось съ этими вѣрованіями? Разумъ не устоялъ противъ человѣческаго чувства, подъ вліяніемъ котораго самыя непреложныя истины подвергались сомнѣнію. Сво-

бода не пересоздала общества, какъ бы по манію волшебнаго жезла, и французы сами отреклись отъ нея, сотворивъ себѣ желѣзнаго кумира. Одно гражданское равенство не дискредитировало себя; но за то сколько ненависти оно вызывало во всѣхъ остаткахъ феодальнаго строя! А вѣдь можно смѣло утверждать, что огромное большинство правящихъ классовъ Европы состояло изъ приверженцевъ этого строя жизни.

Такимъ образомъ, жажда покоя, паническій страхъ предъ призракомъ свободы, разочарованіе, желаніе возвратить доброе старое время, все соединилось въ пользу реакціи, наступившей съ 1815 года и нашедшей отголосокъ въ Англии. Ея непосредственно не коснулись потрясенія, поколебавшія континентъ, но ведя упорную борьбу съ Франціей и Наполеономъ, она не могла не увлечься до чувства вражды противъ принциповъ революціи, не могла, поэтому, и остаться чуждою общему реакціонному настроенію, хотя вообще оно было въ Англии гораздо слабѣе, чѣмъ на континентѣ. Питтъ переходитъ на сторону тори, масса подобныхъ же людей слѣдуютъ примѣру Питта. Наступаетъ такимъ образомъ полное господство тори и застой въ англійской жизни вплоть до 1825 года. При господствѣ тори могли быть издаваемы хлѣбные законы; но объ эмансипаціи католиковъ хлопотать съ успѣхомъ нельзя было. За это дѣло берутся однако въ 20-хъ годахъ въ Англии министръ *Каннингъ*, а въ Ирландіи *О'Коннель*.

О'Коннель, младшій сынъ католической семьи, предназначался или въ священники, или въ адвокаты. Учился онъ сначала дома, потомъ отправился во Францію, въ С. Омеръ, гдѣ окончилъ іезуитскую коллегію и, возвратившись на родину, предпочелъ адвокатскую карьеру. Первые успѣхи не удовлетворили его и не побудили довольствоваться обеспеченнымъ и покойнымъ положеніемъ. Адвокатская дѣятельность казалась ему тѣсною, какъ тѣсною казалась самая большая зала для его громаго голоса. Его, славолюбиваго отъ природы, манило поприще народнаго трибуна. Онъ посѣщаетъ многочисленныя въ то время митинги и все болѣе уходитъ на политическое поприще. Онъ примыкаетъ къ тому католическому комитету, который мирными средствами хотѣлъ добиться отъ англійскаго правительства признанія политическихъ правъ католиковъ. Много надеждъ возлагалъ О'Коннель на поѣздку Георга IV по Ирландіи въ

1821 году, но вскорѣ пришлось ему убѣдиться, что надежды эти были напрасны. Байронъ въ одной изъ своихъ сатиръ ѣдко осмѣиваетъ всю эту поѣздку Георга IV; для насъ это впрочемъ не имѣетъ въ данную минуту интереса. О'Коннель убѣдившись, что на короля надѣяться нечего, рѣшился образовать католическую ассоціацію, чтобы добиваться политической эмансипаціи для своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Однажды, гуляя въ горахъ въ окрестностяхъ Виглоу съ ораторомъ *Шелемъ*, онъ предлагаетъ ему образовать съ этою цѣлью общество. Представьте себѣ двухъ гуляющихъ въ горахъ людей, которые вздумали вдругъ образовать общество съ цѣлью добиться того, о чемъ, казалось, уже и думать забыли. Да изъ кого же создается эта сила? Изъ забытыхъ и разворенныхъ земледѣльцевъ. Нужна была особаго рода вѣра въ себя, въ свои силы, чтобы при такихъ наличныхъ обстоятельствахъ мечтать объ образованіи сильнаго общества. Эта вѣра не обманула его. Въ теченіи какихъ нибудь двухъ лѣтъ броженіе въ Ирландіи, благодаря О'Коннелю, распространяется въ большихъ размѣрахъ. Краснорѣчіе этого человѣка было положительно какимъ то исключительнымъ краснорѣчіемъ. Обладалъ О'Коннель громаднымъ голосомъ, который раскатывался подобно грому надъ головами нѣсколькихъ тысячъ слушателей. Онъ достигалъ всюду, всѣмъ одинаково слышны были эти увлекательныя слова, выходившія изъ наболѣвшаго сердца человѣка, горячо любящаго свою родину и преданнаго ей всей душой и тѣломъ. Начиналъ онъ обыкновенно съ шутки-прибаутки надъ кѣмъ нибудь, кто попадался подъ руки. Попадался католикъ — ладно, протестантъ — также хорошо. Публика съ большимъ вниманіемъ слушала его и онъ незамѣтнымъ для нея образомъ переходилъ къ интересующему его предмету, и вся аудитория, сколько бы ее ни было, увлекалась и электризовалась, какъ бы одинъ человѣкъ. Рѣчь его была шереховата, неправильна, несистематична, встрѣчались въ ней частыя повторенія одного и того-же предмета. Но въ томъ то и дѣло, что массѣ, которой трудно слѣдить за ораторомъ, если онъ строго, логично и систематически проводитъ свою мысль, и необходима именно такая живая, увлекательная рѣчь, а повторенія и лишнія разъясненія увеличивали ее вразумительность. О'Коннель заражалъ слушателей силою своего чувства. Мы не знаемъ какъ происходитъ это зараженіе; но отри-

пать его никто не станетъ, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство оратора. Въ этомъ умѣннѣи передавать свои чувства, которыя всѣ сводились къ одному—любви къ отечеству и желанію ему блага, и заключается весь секретъ и вся сила ораторскаго таланта О'Коннеля. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, О'Коннель достигъ небывалыхъ успѣховъ. Въ 1826 году онъ рѣшается, по истинѣ, на своего рода *tour de force*, который однако ему вполне удается. Въ Ватерфордѣ и Лутѣ происходятъ выборы членовъ парламента и О'Коннель рѣшается выставить кандидатами двухъ либеральныхъ протестантовъ противъ двухъ могущественныхъ лэндлордовъ, члены фамиліи которыхъ издавна неизмѣнно были представителями названныхъ мѣстечекъ. Если прочесть письма Дювержье-де-Горанна о томъ, какъ происходили тогда выборы, то рѣшеніе О'Коннеля намъ покажется еще болѣе достойнымъ удивленія. Избирателемъ по закону могъ быть всякій, кто *владеетъ* землею, приносившею пожизненнаго доходу 40 шиллинговъ. Дабы сдѣлать своихъ арендаторовъ избирателями, лэндлорды заключали съ ними пожизненные контракты. Предполагалось, что если кто, за уплатою ренты, имѣетъ возможность жить и содержать свою семью на данномъ клочкѣ земли, то ясно, что послѣдняя приноситъ болѣе 40 шил. въ годъ доходу, а арендаторъ ея есть пожизненный владѣлецъ такого дохода. Но чтобы такой пожизненный арендаторъ не оставался независимымъ, противъ его всегда былъ готовъ исполнительный листъ по поводу просрочки или несоблюденія другихъ условій договора. Во всякое время поэтому его можно было прогнать съ пожизненнаго участка при малѣйшей — строптивости. Поэтому арендаторы всегда подавали голоса по приказанію лэндлордовъ. Вы понимаете, что одержать побѣду при такихъ условіяхъ выборовъ значить одержать поразительно блестящую побѣду. Выборы состоялись въ пользу намѣченныхъ О'Коннелемъ кандидатовъ.

Этотъ результатъ выяснилъ во всемъ объемѣ силу движенія, поднятаго О'Коннелемъ въ Ирландіи, и далъ понять, что настала пора уступить. Ежегодно и прежде вносились въ парламентъ билли о дарованіи политическихъ правъ католикамъ, но безъ большой надежды на успѣхъ. Теперь министръ Каннингъ, представитель либеральной части торійской партіи, поддерживаетъ предложеніе *Бордета* о дарованіи политическихъ правъ

католикамъ. Предложеніе принято нижнею палатою; но палата лордовъ отвергла его. Тогда Каннингъ рѣшается сдѣлать изъ политической эмансипаціи кабинетный вопросъ и принудить короля Георга IV согласиться на эту мѣру. Когда онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи своимъ товарищамъ, нѣкоторые изъ нихъ оставили министерство. Между прочими вышелъ въ отставку *Робертъ Пилль*, таланты и характеръ котораго Каннингъ очень цѣнилъ. Онъ не остановился предъ разрывомъ съ тори и рѣшился все таки идти впередъ. Онъ оторочилъ засѣданія парламента и реорганизовалъ министерство въ болѣе либеральномъ духѣ, пригласивъ вступить въ него нѣкоторыхъ виговъ и приготовился въ борьбѣ за предпринятое дѣло. Смерть похитила его лѣтомъ 1827 года. Его товарищи не могли удержаться безъ него, и чистые тори снова вступили во власть съ Веллингтономъ во главѣ и съ Робертомъ Пиллемъ въ качествѣ руководителя палаты общинъ. Эмансипація католиковъ снова была снята съ очереди государственныхъ дѣлъ.

Но О'Коннель не далъ надолго забыть ирландскій вопросъ. Новымъ, еще болѣе смѣлымъ шагомъ онъ рѣшается заставить торійское правительство взяться за разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ. Въ 1828 году долженъ былъ подвергнуться по обычаю новымъ выборамъ Вези-Фиджеральдъ, представитель графства Клэръ, занявшій постъ председателя комитета торговли (министръ торговли) и министра почтъ. О'Коннель выступаетъ кандидатомъ противъ него. Избраніе его, какъ католика, будетъ уничтожено, ибо оно противно закону. Но ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ добивается произвести нравственный ударъ, произвести громкую манифестацію въ пользу религіозной свободы. Попытка могла показаться слишкомъ смѣлою. Протестанты были въ большомъ числѣ въ графствѣ Клэръ. Фицъ-Джеральда тамъ уважали, и даже онъ былъ популяренъ. Къ тому-же знали, что онъ лично расположенъ въ пользу требованій католиковъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. О'Коннель могъ рассчитывать только на свою громадную популярность, ставя свою кандидатуру противъ представителя правительства. При наличныхъ условіяхъ борьба между двумя соперниками была не личной борьбой; это была борьба англійскаго правительства въ лицѣ его представителя съ католическою ассоціаціею въ лицѣ главы ея. Никто не скрывалъ

отъ себя всей важности завязавшейся борьбы. Борьба была жаркая. Подача голосовъ была открытая. Это значитъ много оживило процедуру выборовъ. Въ теченіе пяти дней безъ перерыва сорокашillingовые избиратели являлись въ Еннисъ, главный городъ графства, отдѣльными отрядами, по приходамъ, подъ предводительствомъ своихъ приходскихъ священниковъ; въ теченіе пяти дней удлинались все болѣе и болѣе въ полбукъ (Poll-Book) столбцы голосовъ, поданныхъ за О'Коннеля. Въ концѣ пятаго дня Фицъ-Джеральдъ оставилъ поле сраженія, видя бесполезность борьбы. Правительство потерпѣло пораженіе и притомъ рѣшительное. Но О'Коннель идетъ дальше и когда ему предложили принять установленную при вступленіи въ парламентъ присягу, онъ отказывается отъ принятія ея. Его не допускаютъ вслѣдствіе этого въ парламентъ. Назначаются новые выборы, и О'Коннель вторично выбранъ. Тогда увидѣли, что еслибы О'Коннель только пожелалъ сразу быть избраннымъ во всѣхъ графствахъ Ирландіи, то и это удалось бы ему. Въ Англіи поняли, что стоятъ теперь лицомъ къ лицу съ такого рода дилеммою: или допустить О'Коннеля въ парламентъ, или же вызвать новое возстаніе въ Ирландіи. Для правительства съ нравымъ смысломъ въ такой дилеммѣ выбора быть не можетъ. Робертъ Пилль понялъ это, и съ этого момента его рѣшеніе было принято. До открытія сессіи 1829 года онъ занялся подготовкой своихъ товарищей и самого короля къ уступкѣ, ставшей необходимою. Старая протестантская партія сначала не хотѣла вѣрить, что Пилль оранжистъ, Пилль — бывший статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, Пилль, отдѣлившійся отъ Каннинга въ 1827 г. по католическому вопросу, Пилль, наконецъ, — эта надежда политической и религіозной реакціи, — до такой степени отречется отъ своего прошлаго. Когда сомнѣнія разсѣялись, гнѣвъ протестантовъ не имѣлъ границъ. Пилля называли отступникомъ. Говорили, что папа отведетъ ему мѣсто въ католическомъ календарѣ и что скоро услышатъ о канонизаціи св. Пилля. Организовались протестантскія манифестаціи. Крики «дойдъ папамъ» раздавались снова на улицахъ, какъ во времена Карла II и королевы Анны. Въ огромномъ числѣ распространялись памфлеты съ цѣлю возбудить народныя страсти противъ католиковъ напоминаніемъ объ убійствахъ Варооломеевской ночи и объ ужасахъ инквизиціи. Пилль непоколебимо и

хладнокровно смотрѣлъ на поднявшуюся бурю и шелъ своей дорогой. Онъ склонилъ министровъ на сторону своего мнѣнія; не безъ затрудненій онъ добился согласія короля. Большинство палаты общинъ было обезпечено: половина партіи тори послѣдовала за нимъ въ его политической эволюціи, а либеральная партія не могла отказать ему въ своемъ содѣйствіи въ этомъ случаѣ. Какъ только открылась сессія, онъ внесъ свой билль. Билль этотъ прошелъ. Съ этого момента католики получили доступъ ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ за исключеніемъ званія вице-короля Ирландіи, а также должностей канцлера Англіи и канцлера Ирландіи. Пилль воспользовался проведеніемъ билля, чтобы связать съ нимъ двѣ важныя мѣры: католическое общество въ Ирландіи было закрыто и избирательный цензъ въ Ирландіи былъ увеличенъ съ 40 шил. на 10 фун. стер.

Эмансипація католиковъ справедливо считается толчкомъ, давшимъ движеніе прогрессивному развитію Англіи послѣ тридцатилѣтняго застоя, бывшаго слѣдствіемъ реакціоннаго настроенія общества. Съ этого момента безраздѣльность господства тори была нарушена, и либеральная часть этой партіи все болѣе сближается съ наиболее умѣренными вигами, чтобы въ слѣдствіи слиться съ ними. Какъ прежде, подъ вліяніемъ испуга, вызваннаго революціонными событіями, многіе виги перешли на сторону тори, такъ теперь, при измѣнившемся настроеніи, происходитъ обратное явленіе. Вслѣдъ за эмансипаціей католиковъ является на сцену реформа парламента 1832 г., а за нею слѣдуютъ: реформа церковнаго устройства въ Ирландіи, отмена хлѣбныхъ законовъ и т. д. Словомъ, политическій прогрессъ Англіи идетъ впередъ почти непрерывно, приостанавливаясь иногда на весьма недолгое время; но ни разу не дѣлая такой паузы, какая была въ первой четверти столѣтія.

Что касается Ирландіи, то съ эмансипаціей католиковъ туземному населенію Ирландіи открывался путь къ вліянію на политическія дѣла своей страны. Не въ томъ было дѣло, что католики стали представлять въ англійскомъ парламентѣ Ирландію; число католиковъ въ парламентѣ между представителями Ирландіи всегда было меньше числа протестантовъ; но въ томъ, что католики-туземцы получили право имѣть своихъ представителей и могли пользоваться этимъ правомъ для заяв-

ленія *своихъ* желаній и *своихъ* нуждъ. Естественно поэтому, что послѣ эмансипаціи католиковъ дѣйствительныя нужды Ирландіи удовлетворяются гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и въ исторіи Ирландіи снова занимается заря свободы, которая согрѣветъ ее. Если прежнему ирландскому парламенту ставился упрекъ въ томъ, что онъ служилъ выразителемъ желаній лишь незначительнаго кружка людей въ этой странѣ, а не огромнаго большинства ея населенія, то теперь этотъ упрекъ потерялъ силу и потому можно было подумать о возстановленіи ирландскаго парламента, не опасаясь съ его стороны какой либо тирании. И, дѣйствительно, мы видимъ, что немного спустя послѣ изданія закона объ эмансипаціи, появляется вопросъ о «репиллѣ», т. е. объ уничтоженіи уніи 1800 г. и возстановленіи ирландскаго парламента. Это движеніе, поднятое О'Коннелемъ, выродилось съ одной стороны въ революціонную дѣятельность «молодой Ирландіи», а затѣмъ въ феіанизмъ, а съ другой стороны имѣетъ своимъ прямымъ наслѣдникомъ партію «Номе гиле» съ Парнеллемъ во главѣ, стремящуюся къ тому же, что и репилль, т. е. къ самоуправленію Ирландіи.

Съ уничтоженіемъ *test act's* вопросъ о католикахъ поконченъ не былъ. Оставался еще вопросъ церковный, который имѣлъ для ирландцевъ не малое значеніе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Этотъ церковный вопросъ уже издавна былъ вреднымъ наростомъ на тѣлѣ Ирландцевъ и онъ до того ужъ теперь назрѣлъ, что необходимо стало удалить его. И въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи, гдѣ протестантскаго населенія считалось всего на всего 600,000 (на 8.000,000 католиковъ) англиканское духовенство состояло изъ 4 архіепископовъ, 18 епископовъ, 22 канониковъ и 1,400 священниковъ, а доходъ этого духовенства составлялъ болѣе чѣмъ 800,000 ф. ст., эта цифра образовывалась изъ слѣдующихъ частей: десятина давала 650,000 ф. ст., доходы церковныхъ земель 150,000 ф. ст. и кромѣ того, спеціальный еще церковный налогъ—60,000 ф. ст. Такимъ образомъ религіозныя потребности 600,000 протестантскаго населенія удовлетворялись духовенствомъ, стоившимъ болѣе 8½ милліонъ рублей на наши деньги; деньги же эти, замѣтьте, должны были платить католики, духовенство которыхъ отъ правительства не получало ни гроша. Эта вопіющая несправедливость въ отношеніяхъ правительства къ духовенству двухъ частей населенія

и представляет собою нравственную, такъ сказать, неприглядную сторону этого вопроса. Не менѣе тяжка была и матеріальная сторона его. Особенною тяжестью ложилаь на католиковъ десятина, которая еще въ XVIII ст. была чрезвычайно высока, такъ что, напримѣръ, человекъ, который зарабатывалъ въ день 6 пенсовъ, платилъ, какъ указывалъ Граттонъ, 18 — 20 шиллинговъ (въ годъ), или перевода это на наши деньги будетъ примѣрно такъ: человекъ, зарабатывающій 75 рублей въ годъ платитъ 7¹/₂ руб. десятины. Согласитесь, что это страшно тяжелая подать. Тяжесть увеличивалась еще способомъ взиманія ея. Она обыкновенно отдавалась на откупъ и на условіяхъ слишкомъ выгодныхъ для откупщиковъ. Обыкновенно въ пользу ихъ оставалась ¹/₂ валоваго сбора. Благодаря этому, если духовенство получало 800,000 дохода, то съ народа взималась не эта сумма; послѣдняя составляетъ лишь ²/₃ той, которая взята была съ него и которая равняется 1,200,000 ф. ст.

Въ началѣ 30-хъ годовъ вопросъ этотъ обостряется отчасти голодомъ, отчасти же агитаціею, поднятою съ цѣлью освобожденія отъ тяжелаго и несправедливаго налога въ пользу чуждаго духовенства. Голодъ явился съ одной стороны слѣдствіемъ роста народонаселенія при неправильномъ земельномъ устройствѣ, а съ другой слѣдствіемъ чисто стихійнаго обстоятельства: картофеля, который составлялъ главный предметъ питанія ирландцевъ, не уродился. и вотъ готовъ голодъ. При такихъ условіяхъ платежъ десятины, само собою понятно, затрудняется и ирландцы не хотятъ платить ее; они къ тому же вполне сознаютъ несправедливость этого налога. Подъ вліяніемъ этого сознанія образуются общества «Черныя Ноги» и «Бѣлыя Ноги», ставящія своею задачею воспрепятствовать платежу и взиманію десятины. Отряды этихъ обществъ бѣгаютъ по странѣ, уговаривая ирландцевъ не платить десятины. Ихъ совѣтъ охотно выслушивается и платежъ десятины пріостанавливается всюду. Если же у недомщика описываютъ имущество для пополненія недомки, то не оазывается охотниковъ купить его. Приходится вести скотъ для продажи въ Дублинъ или даже въ Англію. Между тѣмъ по дорогѣ никто не хочетъ давать сѣна для прокормленія скота, даже на вѣсъ золота. Скотина падаетъ дорогой отъ голоду, и взыскать десятину все таки не удастся. Сопро- тивленіе платить десятину охватило всю страну. «Бѣлыя» и

«Черныя Ноги» не ограничиваются пропагандой пассивнаго сопротивленія. Они нападаютъ на откупщиковъ десятины, грабятъ ихъ, иногда убиваютъ, очень часто поджигаютъ ихъ жилища. Англиканское духовенство, особенно низшее, стало въ крайне затруднительное положеніе: его доходы прекратились и жить стало нечѣмъ.—При такихъ обстоятельствахъ вигское министерство беретъ за рѣшеніе церковнаго вопроса.—Въ 1838 году въ парламентъ былъ внесенъ *Дж. Росселемъ* проектъ замѣны десятины рентою, которую бы взяло правительство въ размѣръ 60% первой, и чтобы государство уже отъ себя выплачивало жалованье духовенству. О'Коннелль протестовалъ противъ этого, говоря, что суть дѣла-то отъ этого не перемѣняется, что въ результатѣ будетъ только то, что правительство, взявъ ренту, замѣняющую десятину, перенесетъ на себя всю непопулярность, которая теперь падаетъ на англиканское духовенство и сборщиковъ десятины.—Билль Росселя былъ принятъ съ двумя измѣненіями. Рента, замѣняющая десятину, была возвышена до 70% размѣра послѣдней; излишекъ суммы, получающійся за выплатой содержанія духовенству ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть употребляемъ государствомъ по его усмотрѣнію, а долженъ быть обращаемъ только на нужды англиканскаго духовенства. Это ограниченіе, навязанное Дж. Росселю консерваторами, было очень важно: оно отрицало право государства секуляризовать хотя бы часть имущества церкви.

Такимъ образомъ, законъ о десятинахъ 1838 года далеко не былъ еще рѣшеніемъ церковнаго вопроса, ибо на ирландскихъ католикахъ все же оставлена была обязанность содержать чуждую имъ церковь, хотя способъ взиманія денегъ измѣнился и тяжесть налога уменьшилась.

Спустя нѣкоторое время ирландскій вопросъ осложнился вопросомъ аграрнымъ и феніанскою революціонною дѣятельностью. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ заняться изложеніемъ исторіи феніевъ, дѣятельность которыхъ несомнѣнно оказывала значеніе на судьбы Ирландіи; но я долженъ попросить Васъ удѣлить ваше вниманіе нѣкоторымъ фактамъ изъ втораго періода ихъ исторіи, такъ какъ они находятся въ непосредственной связи съ новою постановкою ирландскаго церковнаго вопроса въ 1868 году.

Для нашей цѣли достаточно остановиться на дѣйствіяхъ

Феніевъ въ 1867 году. Послѣ извѣстнаго, хотя и очень скромнаго по своимъ размѣрамъ, покушенія Феніевъ на вторженіе въ Канаду, покушенія, окончившагося полной неудачей, на собраніи Феніевъ въ Нью-Йоркѣ было рѣшено попытаться вызвать возстаніе въ нѣкоторыхъ городахъ самой Англіи. Результатомъ этого рѣшенія была попытка овладѣть городомъ Честеромъ, который долженъ былъ служить базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. — Честеръ лежитъ въ сѣв.-западной части Англіи и служитъ уаловымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ на сѣверъ черезъ Ливерпуль, Манчестеръ, Шеффилдъ и далѣе въ Шотландію и идущихъ на югъ черезъ Бирмингамъ въ Лондонъ. Предположено было сдѣлать нападеніе 11 февраля 1867 года, захватить замокъ Честера со складомъ оружія и военныхъ припасовъ, уничтожить рельсовые и телеграфные пути, идущіе изъ Честера и лишитъ его такимъ образомъ помощи извнѣ; захватить курьерскій поѣздъ, идущій изъ Честера въ Гуллігедъ, овладѣть пароходомъ, ожидающимъ въ Гуллігедѣ прихода курьерскаго поѣзда и перевести на немъ все оружіе и снаряды изъ Честера въ Ирландію. Планъ былъ очень искусно задуманъ и могъ быть легко приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Честерѣ находилось всего 54 человѣка гарнизона, если-бы случайно не былъ открытъ. Въ 12 часовъ ночи съ 10 на 11 февраля магистратъ Честера получилъ свѣдѣнія о готовящемся покушеніи и имъ сейчасъ были приняты мѣры къ предупрежденію его. По телеграфу было дано знать въ Бирмингамъ и Лондонъ, дабы присланы были войска. На вокзалъ желѣзной дороги посланъ былъ сильный отрядъ полиціи, что-бы слѣдить за прѣзжающими пассажирами. Въ 2¹/₂ часа ночи пришелъ первый поѣздъ изъ Ливерпули, который привезъ первые отряды заговорщиковъ. Люди эти раздѣлились на нѣсколько кучекъ и разсѣялись по разнымъ сторонамъ города. Затѣмъ съ поѣздами изъ Лидса, Манчестера и Галифакса прибывали партіи подозрительныхъ пассажировъ, такъ что къ обѣду число ихъ можно было опредѣлить тысячи въ полторы человѣкъ. Они собирались вмѣстѣ, раздѣлялись на отряды и двигались по направленію къ цитадели. Всѣ они были вооружены. Роковая минута наступала; но въ это время прибыла рота солдатъ изъ Манчестера; получена телеграмма, что изъ Лондона посылается для подкрѣпленія полкъ гвардіи. Заговорщики увидѣли, что ихъ планъ открытъ. Очевидно было, что

не только не можетъ быть рѣчи о внезапномъ нападеніи на пятнадцать; но что слѣдуетъ скорѣе спастись. Они побросали оружіе и въ время разсѣялись: только валявшееся по улицамъ оружіе свидѣтельствовало о бывшемъ заговорѣ. — Все это произошло и миновало такъ скоро, что когда въ Лондонѣ получены были первыя извѣстія о случившемся, то тамъ даже не повѣрили имъ и считали сначала весь заговоръ выдумкою досужихъ репортеровъ, пока болѣе обстоятельныя свѣдѣнія не подтвердили истинны. — Такъ какъ одновременно съ покушеніемъ на Честеръ должно было начаться возстаніе въ Ирландіи, то пока туда дошло извѣстіе о неудачѣ феніевъ въ этомъ городѣ, произошло все таки небольшое возстаніе въ Кэрри. — Послѣ того въ мартѣ (1867) вспыхнуло возстаніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ирландіи, которое не имѣло единства и было вообще незначительно. Въ руки правительства попали главные руководители этого возстанія *Борж* и *Макъ-Афферти*; оба были приговорены къ смертной казни. Приговоръ этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе въ Англіи. Англичане полагали, что политическій эшафотъ на всегда упраздненъ въ Англіи и англійская пресса не разъ въ послѣдніе годы жаловалась на политическія казни въ нѣкоторыхъ государствахъ континента. Во многихъ городахъ Англіи состоялись миттинги, на которыхъ постановлены были резолюціи въ пользу помилованія осужденныхъ. Одинъ изъ такихъ миттинговъ состоялся подъ предсѣдательствомъ *Джона Стюарта Милля*; на немъ постановленъ былъ протестъ противъ смертной казни, при чемъ указано было на примѣръ американцевъ, которые никого изъ возставшихъ не предавали казни. Депутація отъ миттинга представилась лорду *Дэрби* съ петиціею о помилованіи осужденныхъ. Министерство оказалось склоннымъ удовлетворить просьбу. *Макъ-Афферти* и *Борж* были помилованы. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло спокойно; всѣ расположены были думать, что февральскія и мартовскія событія были послѣдними проявленіями дѣятельности феніевъ; какъ вдругъ осенью 1867 г. произошли такія покушенія, которыя глубоко поразили англичанъ, какъ своею смѣлостью, такъ и глубиною проявившагося въ нихъ ожесточенія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ полицмены города Манчестера увидѣли ночью нѣсколько человекъ, которые показались имъ подозрительными. Принявъ ихъ за ночныхъ воровъ, они арестовали

ихъ и когда на слѣдующій день они были доставлены въ магистратъ, то оказалось, что двое изъ нихъ *Келли* и *Дизи* были оенія, замѣшанные въ ирландскомъ возстаніи. Когда 18-го сентября ихъ привезли на вторичный допросъ, толпа въ коридорахъ суда и на прилегающихъ улицахъ была такъ велика и настроеніе ея такъ сомнительно, что власти рѣшили значительно усилить конвой при препровожденіи арестантовъ изъ суда въ тюрьму. Последняя находится за городомъ, въ трехъ миляхъ отъ него. Семеро констэблей помѣстились на крышѣ тюремной кареты, одинъ сталъ у дверей ея и многіе другіе поѣхали за каретою въ отдѣльномъ кэбѣ. Дорога въ одномъ мѣстѣ проходитъ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Едва достигла карета этого мѣста, какъ изъ засады на полицейскихъ напала толпа въ 40 человекъ, большинство которыхъ было вооружено револьверами, другіе топорами, молотками и большими камнями. Всѣ они повидимому находились подъ начальствомъ высокаго молодого человѣка, который бросился къ кучеру и кричалъ ему: стой! Когда послѣдній не послушался этого приказанія, онъ выстрѣлилъ. Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ нападенія. Раздался залпъ. Лошади были убиты; кучерь сбитъ съ козелъ ударомъ камня. Полицейскіе сбиты камнями и пистолетными выстрѣлами. *Алленъ*, такъ звали предводителя нападавшихъ, выстрѣломъ въ голову покончилъ съ сержантомъ *Бретомъ*, стоявшимъ у дверей кареты и не желавшимъ допустить до нея, а другимъ выстрѣломъ сбилъ замокъ двери. Полицейскіе, оставшіеся цѣлыми, не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Они были вооружены лишь палками. Пока одни изъ нападавшихъ выводили изъ кареты *Келли* и *Дизи* и развязывали имъ веревки, другіе пистолетными выстрѣлами держали на приличной дистанціи полицейскихъ и сбѣжавшую на шумъ толпу любопытныхъ. Развязавъ арестантовъ, они ихъ помѣстили въ середину себя и вмѣстѣ съ ними скрылись въ сосѣднихъ поляхъ. *Келли* и *Дизи* исчезли безслѣдно. Удалось отыскать и арестовать многихъ изъ нападавшихъ и между ними *Аллена*. Въсть объ этомъ произвела страшное впечатлѣніе въ Англии. Гдѣ-же послѣ этого спокойствіе, если среди бѣла дня совершаются нападенія на полиціеменовъ, освобождаются преступники и все это, видно было, направляется умѣлою и сильною рукою? Изъ 26 арестованныхъ пятеро

были приговорены къ смерти. Двое изъ нихъ были помилованы, а трое *Алленъ*, *Ларкинъ* и *Гудъ* были казнены.

Но не успѣли еще опомниться отъ сентябрьскаго покушенія феніевъ, какъ въ декабрѣ они опять заявили о себѣ и на сей разъ еще болѣе грознымъ образомъ. Двое выдающихся феніевъ *Борксъ* и *Чези* попались въ руки лондонской полиціи въ началѣ декабря 1867 г. и были посажены въ Клэркенуэльскую тюрьму. 13-го декабря въ 3^{1/2} часа дня окрестности Клэркенуэля были потрясены страшнымъ взрывомъ, отъ котораго обвалилась часть тюремной стѣны въ длину на 80 метровъ и сильно пострадали сосѣдніе дома. Дознаніе выяснило, что какихъ то два лица привезли бочку, свалили ее къ стѣнѣ и удалились, зажегши фитиль. Попытка была сдѣлана смѣло; но она не достигла цѣли, т. е. освобожденія арестованныхъ феніевъ. Начальство тюрьмы получило неясныя свѣдѣнія о готовящейся попыткѣ освободить ихъ, а потому распорядилось отиѣнить обычную прогулку ихъ между 3 и 4 часами дня по двору тюрьмы и замѣнить ее прогулкою рано утромъ. Но взрывъ имѣлъ другіе результаты. Сорокъ человекъ, между ними большею частью дѣти, было убито, искалѣчено и изранено взрывомъ. Такая хладнокровная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся жестокость со стороны феніевъ ужаснула всѣхъ и давала понятіе о глубинѣ ненависти, которую питаютъ ирландцы къ англичанамъ, и страшномъ нравственномъ безпорядкѣ, царящемъ въ части ирландскаго народа. Дѣло Ирландіи потеряло множество симпатій послѣ описанныхъ покушеній.

Въ эту трудную для Ирландіи минуту выступаетъ на защиту ея справедливыхъ требованій *Гладстонъ*. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. въ парламентъ внесено нѣсколько резолюцій депутатомъ Ирландіи *Маширомъ*, которыя касались тяжелаго положенія его родины. Въ преніяхъ приняли участіе *Лоу* и *Брайтъ* со стороны оппозиціи, *Стафффордъ Норскотъ* со стороны правительства. Рѣчи этихъ ораторовъ слушались съ уваженіемъ, но безъ большаго интереса, такъ какъ ихъ точка зрѣнія на дѣло была известна. Каждый зналъ впередъ, что они скажутъ. Пренія длились уже четыре дня, когда Гладстонъ попросилъ слова. Человекъ этотъ весьма своеобразенъ по развитію своего міровоззрѣнія. Обыкновенное явленіе, что люди въ молодости увлекаются передовыми и часто даже крайними идеями и затѣмъ,

входя въ зрѣлый возрастъ, понижаютъ ихъ и становятся самыми упорными консерваторами. Ходить за примѣромъ далеко не нужно. Въ 1852 году Стэнлей сидѣлъ на скамьяхъ либераловъ; въ 1867 г. онъ, подъ именемъ лорда Дэрби стоитъ во главѣ консервативнаго министерства. Путь нравственной жизни Гладстона былъ противоположнымъ. Когда онъ былъ студентомъ Оксфордскаго университета онъ отличался ретроградными воззрѣнiями и даже написалъ сочиненiе объ отношенiяхъ церкви и государства, въ которомъ въ такихъ выраженiяхъ проповѣдывалъ тѣсный союзъ трона и алтаря, отъ которыхъ не отреклись бы самые ярые торы. Въ 1832 году онъ вступаетъ въ парламентъ и занимаетъ мѣсто въ консервативной партiи. Но съ теченiемъ времени онъ изъ строгаго тора становится умѣреннымъ, потомъ все ближе становится къ либераламъ и наконецъ съ 1859 года онъ окончательно переходитъ въ ряды послѣднихъ. Но на этомъ не остановилось его развитiе. Съ каждымъ шагомъ жизни его убѣжденiя становились демократичѣе и во время обсужденiя парламентской реформы 1867 года онъ вноситъ предложенiя, опережающiя стремленiя многихъ членовъ либеральной партiи. Теперь, годъ спустя, никто не могъ сказать, въ какомъ фазисѣ находится умственная эволюцiя этого государственнаго человѣка и всѣ наострили уши, когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы говорить по ирландскому церковному вопросу. Велика была сенсациа, когда среди всеобщаго вниманiя онъ высказался въ пользу наиболѣе радикальнаго рѣшенiя этого вопроса, того рѣшенiя, которое уже давно требовалось безуспѣшно радикаломъ Брайтомъ. «Ирландская церковь, сказалъ она, какъ государственное учрежденiе, должна перестать существовать». Когда затѣмъ ему пришлось формулировать свою мысль въ видѣ парламентскихъ резолюцiй, такъ какъ Магиръ благоразумно взялъ назадъ свои предложенiя, то онъ выразилъ ихъ такъ: «палата считаетъ необходимымъ, чтобы епископальная церковь въ Ирландiи перестала существовать, какъ церковь государственная; само собою разумѣется, что положенiе вышнихъ представителей церкви будетъ сохранено за ними пожизненно». Резолюцiи эти горячо дебатировались въ парламентѣ. Происходитъ отчаянная схватка между Гладстономъ и главою консервативной партiи *Дизраэли*. Большинство парламента высказалось за Гладстона и противъ Дизраэли. Но послѣднiй былъ

слишком ловкій парламентскій игрокъ, чтобы такъ скоро уступить своему противнику. Онъ заявляетъ, что въ виду принятаго палатою рѣшенія, правительство сдѣлаетъ постановленіе, о которомъ увѣдомить со временемъ палату. Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о распущеніи парламента и потому всѣ сейчасъ же стали готовиться къ выборамъ. Принимая такое важное рѣшеніе, Дизраэли рассчитывалъ, что множество новыхъ избирателей, созданныхъ послѣднею парламентскою реформой 1867 г., подадутъ голосъ въ его пользу, такъ какъ онъ провелъ эту реформу. Единственный вопросъ, который сталъ предметомъ избирательной борьбы былъ вопросъ объ упраздненіи англиканской церкви въ Ирландіи. Всѣ кандидаты въ члены парламента распадились на двѣ большія партіи: сторонниковъ и противниковъ этой ирры. 1.400.000 голосовъ высказались за сторонниковъ программы Гладстона, 800.000 за правительство. Торійское министерство подало въ отставку и главою новаго министерства сталъ теперь Гладстонъ. Еще во время избирательной борьбы Гладстонъ сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что три язвы разѣдаютъ Ирландію: англиканская церковь, поземельное устройство и система воспитанія. Такимъ образомъ англійскій народъ, высказавшійся за него такимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, тѣмъ самымъ далъ ему полномочіе на осуществленіе задуманныхъ реформъ. 1 марта 1869 года Гладстонъ внесъ билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи, который былъ лишь развитіемъ резолюцій, принятыхъ годомъ раньше. Епископальная церковь въ Ирландіи, какъ учрежденіе государственное, этимъ биллемъ упраздняется, и всѣ имущества ея въ суммѣ 16 милліоновъ секуляризуются. Имущество епископальной церкви, дѣяность котораго опредѣлялась въ 16 мил. фун. ст., передавалось временно государственной комисіи, а потомъ часть его должна была съ 1 января 1871 г. поступить въ вѣдѣніе представителей общинъ разныхъ исповѣданій. Въ вѣдѣніе общинъ протестантскихъ предполагалось отдать имущества на 6 мил.; на нужды католическаго и пресвитерьянскаго духовенства отдѣлить 2 мил. фун. ст., а остальные 8 мил. обратить на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Билль былъ принятъ палатою общинъ, но встрѣтилъ сопротивленіе въ палатѣ лордовъ. Чтобы склонить ихъ къ принятію билля, Гладстонъ согласился сдѣлать уступки въ томъ смыслѣ,

что вмѣсто 6 мил. онъ согласился отдать имущество на 12 мил. на содержаніе англиканской церкви, 2 мил. на учебныя и благотворительныя учрежденія и 2 мил. на содержаніе католическаго и пресвитерьянскаго духовенства. Въ такомъ видѣ билль прошелъ и черезъ палату лордовъ и съ іюля 1869-го года сталъ закономъ.

Разсматривая значеніе такого рѣшенія этого вопроса, мы видимъ, что оно имѣетъ значеніе болѣе въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ въ матеріальномъ отношеніи. Выигришь для католической церкви былъ очень незначительный—всего какихъ нибудь 2 милліона фунтовъ; что касается населенія, то оно получило облегченіе вслѣдствіе превращенія ренты, которую получало англиканское духовенство вмѣсто десятины. Но важно было то, что произошло упраздненіе государственной церкви, что обѣ церкви были признаны правительствомъ равноправными. Брайтъ справедливо говоритъ по этому поводу: «Епископальная церковь въ Ирландіи есть церковь завоеванія. Это не только вѣрно исторически; но я полагаю, что нельзя допустить, чтобы культъ, исповѣдуемый ничтожнымъ протестантскимъ меньшинствомъ, могъ быть установленъ и поддерживаемъ среди націи исключительно католической иначе, какъ по праву завоеванія... Я нѣмъ случай говорить нѣсколько лѣтъ тому назадъ и повторяю теперь: политика Англіи по отношенію къ Ирландіи сдѣлала изъ католицизма не только символъ вѣры, за который ирландскій народъ держится съ героическою и отчаянною настойчивостію, но и дѣло патріотизма, за которое его сыны готовы страдать и если нужно умереть. Чѣмъ болѣе я размышляю о настоящей великой мѣрѣ, тѣмъ болѣе я признаю ее способною создать тѣсное и прочное единеніе Англіи и Ирландіи».

Ожиданія Брайта однако не вполне оправдались. Ирландцы остались недовольны тѣмъ, что на содержаніе церкви, которая считала въ Ирландіи только 600,000 приверженцевъ, отдано было 12 милл., тогда какъ для католиковъ, пресвитерьянъ и на благотворительныя и учебныя учрежденія дано всего на всего 4 милліона. Нельзя не признать справедливость этого недовольства. —Кромѣ того дѣлалъ рядъ національныхъ отношеній, породившихъ глубокую вражду, а еще болѣе отношенія земельныхъ препятствовали этому примиренію.

Земельное устройство и донынѣ является главнымъ обра-

зомъ причиною недовольства ирландцевъ противъ англичанъ. Надъ разрѣшеніемъ земельного вопроса трудились и трудятся лучшіе умы Англіи и пока все еще безъ большаго успѣха, хотя дѣло несомнѣнно двинуто впередъ.

Изложеніе исторіи этихъ отношеній въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и сильное разъясненіе этого вопроса вмѣстѣ съ общимъ заключеніемъ и составитъ предметъ моей третьей бесѣды.

III.

Ведя избирательную кампанію 1867 года, Гладстонъ уподобилъ Ирландію путнику, находившемуся подъ вѣтвями дерева обремененнаго ядовитыми плодами. Эти ядовитые плоды, которыми надѣлила Англія Ирландію суть: епископальная церковь, поземельное устройство и система образованія. Въ предъидущихъ бесѣдахъ мы говорили и о политическихъ и религіозныхъ отношеніяхъ англичанъ и ирландцевъ, закончившихся подавленіемъ политической жизни послѣднихъ и долговременнымъ религіознымъ гнетомъ. Прошлая бесѣда была посвящена вопросу, къ какимъ результатамъ привелъ этотъ религіозный гнетъ и какъ, *volens-nolens*, Англія вынуждена была прекратить его, вынуждена была согласиться на политическую эмансипацію католиковъ и на отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи. Епископальная церковь прекратила свое существованіе для ирландцевъ-католиковъ, оставаясь учрежденіемъ для нихъ необязательнымъ. Теперь мы обратимся къ другому плоду англійскаго господства въ Ирландіи, а именно къ поземельному устройству, которое, какъ кажется съ перваго взгляда, служитъ теперь единственною причиною ненависти ирландцевъ къ англичанамъ. Но на самомъ то дѣлѣ, оно только выступило на первый планъ и заслонило собою другіе интересы національнаго, политическаго и религіознаго характера, которые продолжаютъ все таки существовать какъ пережитокъ, т. е. самые факты, вызвавшіе тѣ или другіе чувства прекратились уже, но чувства, возбужденныя этими фактами, продолжаютъ еще существовать, побуждая народъ къ мщенію за прошлыя обиды.

Едва успѣвъ закончить покореніе Ирландіи, англичане при-

нимаются за обезземеливаніе ирландцевъ. Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, наивысшимъ пунктомъ развитія этой системы было покореніе Ирландіи Кромвелемъ, когда въ силу парламентскаго акта ирландцы были изгнаны изъ восточныхъ частей Ирландіи и сосредоточены въ Коннаутъ. По акту парламента 27 Сентября 1653 года, если кто изъ ирландцевъ окажется послѣ 1 Мая 1654 г. по сію сторону рѣки Шанона, повиненъ смерти. Земли имъ принадлежавшія достались или соратникамъ Кромвеля, или другимъ друзьямъ парламента, успѣвшимъ во время захватить ихъ. Въ этомъ захватѣ англичанами ирландскихъ земель нужно отличать однако положеніе дѣлъ въ Лейнстерѣ и Мунстерѣ отъ колонизаціи Ульстера. Ульстеръ дѣйствительно былъ колонизованъ, такъ какъ земли этой провинціи розданы были—сравнительно не большими участками—соратникамъ Кромвеля и шотландскимъ пресвитеріанамъ, пожелавшимъ тутъ поселиться, тогда какъ въ Мунстерѣ и Лейнстерѣ, собственно говоря, не было колонизаціи, а былъ только переходъ земель большими участками въ руки англичанъ, не занимавшихся лично земледѣліемъ и даже въ большинствѣ случаевъ не жившихъ въ Ирландіи. Это было просто на просто грабежомъ въ очень широкихъ размѣрахъ среди бѣлаго дня. Но что же все таки дѣлать новоиспеченнымъ землевладѣльцамъ съ этими громадными участками земли, доставшимися имъ даромъ? Они не могли сами заниматься хозяйствомъ; арендаторовъ англичанъ было не много, да и не были они такими выгодными арендаторами, какъ ирландцы, которымъ земля нужна была во чтобы то ни стало. Поэтому не смотря на угрозу смерти, ирландцы не долго оставались исключительно по ту сторону Шанона. Они стали проникать въ восточную часть Ирландіи въ качествѣ арендаторовъ земель англійскихъ землевладѣльцевъ и какъ таковыя конкурировали довольно успѣшно съ арендаторами англичанами, не смотря на то, что они не имѣли права заключать долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ и должны были платить аренду не какъ не ниже $\frac{2}{3}$ доходности земли, такъ наз. *rack-rent*. Этотъ успѣхъ ирландскихъ арендаторовъ объясняется двумя причинами. Они дѣйствуютъ артелями, выбирая изъ своей среды одного человека, который ведетъ съ лэндлордомъ переговоры объ арендѣ земли, какъ будто для себя, а на самомъ дѣлѣ имѣя за собою цѣлую партію арендаторовъ.— Съ другой

стороны, ирландцы по необходимости должны были брать верхъ надъ англичанами въ земледѣльческой промышленности, такъ какъ всякій другой родъ дѣятельности для нихъ былъ закрытъ торговой политикою самой Англіи. Но хотя ирландцы и возвратились отчасти на земли своихъ праотцевъ, положеніе ихъ существенно измѣнилось противъ прежняго. Прежде земля считалась принадлежностью цѣлаго клана и каждый членъ послѣдняго имѣлъ на нее извѣстныя права, пока исполнялъ возложенныя на него обычаемъ обязанности, которыя имѣли опредѣленный и неизмѣнный характеръ. А такъ какъ, съ другой стороны, и начальникъ клана былъ связанъ съ своими подданными общностью преданій, обычныхъ правъ и обязанностей, то о тираніи начальника клана надъ его подданными не могло быть рѣчи.— Теперь наступили другія отношенія. Всякое право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю прекратилось; размѣръ платимой имъ ренты опредѣляется теперь не обычаемъ, а волею лэндлорда, который смотритъ на себя какъ на безусловнаго владѣльца этой земли. Благодаря сильной конкуренціи между арендаторами и сравнительной немногочисленности землевладѣльцевъ, а также въ силу дѣйствія изданныхъ англійскихъ законовъ, рента въ Ирландіи обыкновенно была какъ и нынѣ, очень высока. Но даже исполняя свои обязательства по отношенію къ лэндлорду, арендаторъ не могъ рассчитывать на постоянство своей аренды, его могли изгнать во всякую минуту, если это изгнаніе требовалось или выгодами, или хотя бы капризомъ лэндлорда.

Мы сказали выше, что новые владѣльцы ирландскихъ земель сами обыкновенно не жили въ Ирландіи и не занимались хозяйствомъ на пріобрѣтенныхъ земляхъ. Между ними и арендаторами становится цѣлый рядъ посредниковъ, содержаніе которыхъ ложилось лишнимъ бременемъ на народъ. На сколько тяжелы были эти посредники, свидѣтельствуетъ обычай, существовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирландіи въ половинѣ XVIII вѣка, обычай, по которому арендаторы, кромѣ платимой ими аренды, обязывались работать на посредника извѣстное число дней въ году, получая шесть пенсовъ подневной платы. Насколько абсентизмъ лэндлордовъ и связанное съ нимъ посредничество были тяжелы для Ирландіи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ самомъ началѣ пробужденія среди ирландцевъ

національнаго и общественнаго самосознанія — въ половинѣ XVIII стот. является въ ирландскомъ парламентѣ проектъ обложенія абсентеистовъ особымъ налогомъ, съ цѣлью уменьшить это вредное явленіе. Наконецъ, положеніе ирландскаго земледѣльца ухудшалось еще національнымъ и религіознымъ антагонизмомъ между арендаторомъ и лендлордомъ. Послѣдній признавалъ себя высшимъ существомъ, самой природою назначеннымъ для господства и смотрѣлъ на ирландца католика, какъ на варвара, сабаку-пациста. Еще теперъ, по свидѣтельству депутата парламента *Шеана*, англійскіе лендлорды въ Ирландіи утверждаютъ, что саксонская раса самимъ небомъ назначена повелѣвать кельтами. Въ 18 столѣтіи къ этому самоуниженію лендлордовъ присоединилась отчаянная взаимная ненависть обѣихъ сторонъ, порожденная національными, политическими и религіозными отношеніями. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ не могли быть созданы никакіе обычаи, сколько нибудь облегчающіе положеніе арендатора. Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоялъ только Ульстеръ. Тамъ между землевладѣльцемъ и арендаторомъ не было религіозной розни, тамъ и численное отношеніе между ними было выгодноѣ для арендаторовъ, вслѣдствіе чего, какъ мы увидимъ ниже, тамъ создались обычаи, ставшіе предметомъ зависти для арендаторовъ остальной Ирландіи.

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ условій, подвергалось измѣненіямъ въ соотвѣтствіи съ переменною формою сельскаго хозяйства. До 60-хъ годовъ XVIII вѣка хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а вслѣдствіе этого положеніе арендаторовъ было сносите, чѣмъ въ слѣдующій періодъ до начала войны съ Франціей. Вслѣдствіе увеличивавшагося спроса на скотъ въ Англіи, въ Ирландіи съ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія развивается скотоводство на счетъ хлѣбопашества и арендаторы изгоняются съ занимаемыхъ ими земель, для того что-бы дать мѣсто лугамъ и пастбищамъ. Съ 1793 года—съ началомъ войны съ Франціею—по 1816 годъ и нѣсколько далѣе, благодаря тому, что въ Англіи идетъ развитіе мануфактурнаго дѣла на счетъ земледѣльческой промышленности, что ввозъ хлѣба изъ другихъ странъ (Польша преимущественно) сокращается, что хлѣбные законы еще болѣе стѣсняли ввозъ хлѣба, хлѣбъ опять стоитъ въ цѣнѣ и число арендаторовъ снова увеличивается и рядомъ съ этимъ — число изгнанныхъ ихъ уменьшается. Въ слѣдующій за

тѣмъ періодъ и особенно позднѣе въ 40-хъ годахъ широко предлагается правило Катона, по которому, чтобы быть хорошимъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ, чтобы быть посредственнымъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ и чтобы быть плохимъ хозяиномъ нужно опять таки заниматься скотоводствомъ. Вслѣдствіе широкаго приложенія этого правила число изгнаній арендаторовъ все увеличивается и увеличивается, а мѣста ихъ домовъ и фермъ занимаютъ пастбища и стада рогатаго скота.

Такія поземельныя отношенія естественно вызвали протестъ со стороны населенія, доводимаго до крайней нужды и сохраняющаго однако свои старыя представленія, въ силу которыхъ арендаторъ считалъ себя собственникомъ обрабатываемой имъ земли, протестъ противъ гнета лэндлорда и всей системы англійскаго господства. Протестъ этотъ выражался въ появленіи разбойничьихъ шайкъ и тайныхъ народныхъ союзовъ. Частныя причины, вызывавшія эти шайки и союзы, были различны. Такъ въ Мунстерѣ шайки «Уайтъ-Бойевъ» (White Boys) появлялись въ 60-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка подъ вліяніемъ нестерпимаго гнета посредниковъ (Middlemen); въ Ульстерѣ шайки «Дубовыхъ ребятъ», «Стальныхъ сердецъ» вызваны были введеніемъ натуральныхъ повинностей и превращеніемъ пашень въ луга въ Доннегалѣ. Различныя названія народныхъ союзовъ скрывали однако подъ собою одно и то же явленіе. Всѣ названныя шайки и союзы нападали на фермы лэндлордовъ; портили хозяйственныя орудія, увѣчили скотъ, рѣдко убивали людей, но часто подвергали мидльменовъ разнымъ мученіямъ и плохимъ шуткамъ. То они бросали ихъ въ ямы, наполненныя терномъ, то раздѣвали до нага, вымазывали ихъ смолой и вываливали въ перьяхъ и т. п. Такъ или иначе, однако, не смотря на различіе названій и способовъ дѣйствій, всѣ эти движенія были аграрными и были протестомъ обездоленнаго ирландца противъ обездолившаго его англійскаго господства. Вслѣдствіе этого лица, принадлежавшія къ названнымъ союзамъ, пользовались сочувствіемъ народной массы и въ немъ почерпали свою силу. Для преслѣдованія ихъ силою закона нельзя было найти, какъ вы уже знаете, ни свидѣтелей готовыхъ показать противъ нихъ, ни присяжныхъ, чтобы произвести приговоръ.

Аграрныя движенія сопровождаютъ собою исторію Ирландіи и въ XIX стол., то усиливаясь, то ослабывая, сообразно колебаніямъ въ экономическомъ положеніи страны. Англійское правительство долго не видитъ иныхъ средствъ борьбы съ ними, кромѣ исключительныхъ законовъ, которыми вводятся въ Ирландію порядки, какъ разъ противоположные по своимъ принципамъ тѣмъ, которые признаются англійскимъ обществомъ для себя за условіе *sine qua non* гражданской жизни. Такихъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи было издано тридцать три въ періодъ времени съ 1800 по 1860 г. И сейчасъ, какъ мы знаемъ, англійское правительство занято разработкою подобнаго же закона. Обращикомъ этихъ законовъ могутъ служить слѣдующіе §§, взятые нами изъ закона 1846 года :

§ 15. Кто окажется внѣ своего жилища чрезъ часъ послѣ заката солнца, можетъ быть арестованъ и содержимъ подъ арестомъ впредь до суда.

§ 16. Кто будетъ арестованъ въ подобномъ случаѣ можетъ быть наказанъ пятнадцатью годами ссылки, если онъ не докажетъ, что онъ вышелъ по дѣлу, дозволенному закономъ. §§ 7, 9, 10 и 13 гласятъ, что въ случаѣ убійства уплачивается денежное вознагражденіе родственникамъ убитаго; оно составляетъ посредствомъ сбора съ арендаторовъ данной мѣстности. Полицейскіе секвеструютъ движимость арендаторовъ, отказывающихся платить сборъ. Какъ видите, этотъ законъ напоминаетъ намъ дикую виру Русской Правды, но только въ гораздо болѣе жестокомъ видѣ. Не забудьте притомъ, что время Русской Правды очень далеко отъ насъ, между тѣмъ какъ только что приведенныя постановленія издаются въ концѣ первой половины XIX в. парламентомъ, который стоитъ за то, чтобы никто изъ англичанъ не былъ наказанъ безъ суда, не былъ лишенъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Съ другой стороны, въ противность элементарнымъ юридическимъ понятіямъ, этотъ законъ вводитъ презумпцію виновности подсудимаго и требуетъ отъ него доказательствъ его невинности. Самая многочисленность исключительныхъ законовъ доказываетъ ихъ безсиліе; иначе оно и быть не могло. Они не устраняли причинъ зла, а старались только прекратить проявленіе его дѣйствій. Сами они въ свою очередь служили иногда поводомъ къ злоупотребленіямъ вопіющаго свойства. Такъ, судья *Флетчеръ* заявлялъ, что

въ 1814 году нѣкоторые лэндлорды пользовались закономъ о ссылке для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ арендаторовъ, спровадивъ ихъ въ ссылку въ колоніи. Такіе случаи бывали и позднѣе.

Если мы поставимъ себѣ вопросъ о томъ, отчего англійское правительство не производитъ никакихъ улучшеній въ поземельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то отвѣтомъ на него можетъ служить указаніе на аристократическій характеръ парламента. Большинство членовъ его были представителями поземельной аристократіи; одни изъ нихъ не понимали, а другіе не хотѣли понять, — потому что это было невыгодно для нихъ, — почему фермерскіе порядки Англій, будучи пересажены на ирландскую почву, вызываютъ неудовольствіе и приводятъ къ плачевнымъ результатамъ.

Наконецъ дѣло дошло до остраго кризиса. Гододъ 1846/47 года привелъ къ этому кризису. 250,000 человекъ погибло въ эту роковую зиму. Если мы вспомнимъ, что въ минувшую войну мы потеряли 200,000 человекъ, то громадность въ смертности Ирландіи предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ ужасающемъ размѣрѣ. Рядомъ съ упадкомъ благосостоянія страны, изгнанія фермеровъ принимаютъ гигантскіе размѣры. Съ 1841 по 1851 годъ только однихъ домовъ арендаторскихъ разрушено 269,253. Кто могъ, — искалъ спасенія въ бѣгствѣ и переселялся въ Америку, покидалъ родину, гдѣ жить стало не въ моготу, унося съ собою ненависть противъ притѣснителей и жажду мщенія. Въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось 8.200,000 человекъ, къ 1851 г. оно уменьшилось до 6 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, а десять лѣтъ позже оно соотратилось еще на полъ милліона, и въ 1860 г. составляло только 6 милліоновъ человекъ. Подобнаго факта (безъ участія войны) мы не найдемъ въ другихъ странахъ, сколько бы мы ни искали; такое уменьшеніе населенія по истинѣ ужасно, если только подумать о той безднѣ человѣческихъ страданій, которая скрывается за нимъ.

Въ прежнее время бѣдствія ирландцевъ считали классическимъ примѣромъ для объясненія дѣйствія закона Мальтуса. Считалось достаточнымъ сопоставить многочисленность ирландскихъ семействъ съ бѣдствіями народа, чтобы прийти къ выводу, что населеніе переросло производительныя силы страны и что поэтому излишекъ его долженъ погибнуть и погибаетъ;

такъ сказать, на законномъ основаніи. Не говоря о томъ, что самый законъ Мальтуса подвергся значительнымъ поправкамъ и ограниченіямъ, неправильность указаннаго вывода не подлежитъ сомнѣнію. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи было естественно перенаселеніе, то конечно съ такимъ непомѣрнымъ уменьшеніемъ числа жителей, какое указано выше, должно было бы поправиться благосостояніе оставшейся части населенія. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Возникающія отсюда недоразумѣнія разрѣшаются тѣмъ, что бѣдствіе ирландскаго народа происходили вовсе не отъ естественнаго перенаселенія, а отъ искусственнаго, производимаго сокращеніемъ площади пахатной земли и превращеніемъ ея въ луга и пастбища. Парламентская коммиссія, производившая изслѣдованія поземельныхъ отношеній и окончившая свои занятія въ 1881 г., представляетъ въ своихъ протоколахъ богатый матеріалъ для подтвержденія этого положенія. По собраннымъ даннымъ оказывается, что изъ 15 милліоновъ акровъ удобной земли 11 милліоновъ обращены въ луга и пастбища, предназначенные для откармливанія скота, потребляемаго англійскими рынками. Вообще замѣчено, что въ Ирландіи увеличеніе рогатаго скота и барановъ идетъ соразмѣрно съ уменьшеніемъ народонаселенія; а вмѣстѣ съ этимъ проявляются со стороны англичанъ особенно вѣжныя чувства къ скотамъ. Такъ напр. за увѣче барана налагался штрафъ въ 35 шиллинговъ. Перро приводитъ слѣдующій фактъ, относящійся къ 1858 году: однажды во время сильной мятели пропало 40 барановъ. Полисмены выгнали фермеровъ ночью, въ мятель, розыскивать ихъ. Барановъ то нашли, но одного фермера не досчитались: онъ былъ найденъ послѣ замерзшимъ въ сугробахъ снѣга. Статистическія данныя доказываютъ, что въ то время какъ населеніе Ирландіи уменьшилось съ 1850-го по 1880-ый годъ на 40%, количество скота крупнаго возросло на 34%, количество овецъ увеличилось на 100%, количество пахатной земли сократилось на 28%, а площадь луговъ увеличилась на 40%.*). Отсюда слѣдуетъ, что перенаселеніе Ирландіи есть мифъ, измышленный, сознательно или безсознательно — это все равно, — для объясненія ужасающихъ явленій, виновникомъ которыхъ является созданное

*) Зяберъ. Аграрный вопросъ въ Ирландіи (Юридическій Вѣстникъ 1882 г. № 9).

соціальное устройство. Однажды, когда призвали присяжных констатировать смерть одного умершаго съ голоду и опредѣлять причину смерти, они въ своемъ приговорѣ заявили, что признають английское правительство и королеву Викторію виновными смерти несчастнаго.

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ во второй половинѣ XIX стол. въ главныхъ чертахъ остается въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было въ XVIII в. Но только теперь мы знаемъ о немъ больше подробностей, а потому самая картина становится болѣе яркою и живою. Какъ и прежде, лэндлорды не живутъ въ Ирландіи и главное значеніе въ судьбѣ арендаторовъ играютъ посредники. Они отличаются обыкновенно взяточничествомъ до такой степени беззащитнымъ и открытымъ, что при первомъ же разговорѣ съ арендаторомъ спрашиваютъ его: «сколько вы мнѣ заплатите?»

Въ книгѣ Перро *) мы находимъ таблицу взятокъ посредниковъ въ графствѣ Кэри лорда Друмонда. Изъ нея оказывается наприимѣръ, что арендаторы, платящіе 9 и 14 фун. аренды, платятъ 7 фун. стерлинговъ въ видѣ взятки посреднику. Часто посредникъ выгоняетъ арендатора только потому, что кто нибудь предлагаетъ ему взятку за то, чтобы онъ уступилъ ему данный участокъ земли и выгналъ бы настоящаго ея владѣльца. Вообще право изгнанія практиковалось до настоящаго десятилѣтія въ очень широкихъ размѣрахъ. Цѣлая іерархія лицъ занята этимъ дѣломъ. Прежде всего дѣйствуетъ process-server, родъ пристава, разносящаго арендаторамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи. За нимъ слѣдуетъ драйверъ (driver), обязанность котораго заключается въ фактическомъ извлеченіи арендатора изъ его жилища. Въ помощь ему поступаютъ солдаты такъ называемой ломовой бригады (slowbar-brigade), которые разрушаютъ дома, сравниваютъ ихъ съ землею для того, чтобы на мѣстѣ жительства несчастнаго арендатора можно было развести пастбище для быковъ и барановъ. Численность ломовой бригады, назначеніе которой не созидать, а разрушать, довольно значительна. Въ 50-хъ годахъ она составляла 12000 человекъ, расположенныхъ въ казармахъ лэндлордовъ. Число солдатъ ломовой бригады, расположенныхъ у даннаго лэндлорда, находится въ прямой пропорціи не съ об-

*) Le bill des tenanciers. Paris 1859.

ширностью его владѣній, а съ степенью жестокости владѣльца, а также и съ существованіемъ помѣщеній для солдатъ. Но помѣщеніе легко найти: стоитъ только выгнать арендаторовъ, имѣющихъ сносные дома, и вотъ казармы готовы. Но какъ же такъ, спросите Вы, кѣмъ выстроены эти дома? Выстроены они арендаторами. Я вижу недоумѣніе, вызываемое этимъ отвѣтомъ, но я сейчасъ разъясню его; а для этого мнѣ нужно перейти къ разсказу о томъ, что дѣлалось со всѣми улучшеніями, произведенными на землѣ лэндлорда арендаторами.

Покоря Ирландію и коневисую ея земли, англичане ввели туда феодальное понятіе о поземельной собственности. По этому понятію все устроенное на землѣ кѣмъ бы то ни было принадлежитъ землѣ, а чрезъ нее — ея собственнику. (*Quicquid solo plantatur, solo acquiritur*). Вълѣдствіе этого всѣ улучшенія, сдѣланныя фермеромъ, а также и постройки, возведенныя имъ на землѣ лэндлорда, принадлежатъ послѣднему, и при оставленіи фермы арендаторъ не имѣетъ права заявлять на нихъ какія бы то ни было притязанія. Это правило прилагается фактически не только къ незначительнымъ постройкамъ или улучшеніямъ, но и къ такимъ, которыя потребовали затраты значительнаго капитала. Въ 1859 г. въ Мильфордѣ, въ графствѣ Доннегалъ, арендаторъ *Джонъ Левэнс* построилъ домъ, стоимостью въ 1000 фун. ст., не выговоривъ себѣ права получить за это какое либо вознагражденіе со стороны лэндлорда. Когда землевладѣлецъ лордъ *Лейтримъ* изгналъ его, то не смотря на всѣ просьбы Левэнса, онъ ему не заплатилъ ни одного пени въ возмѣщеніе сдѣланныхъ расходовъ. Другой случай: на западномъ берегу Ирландіи арендаторы воздѣлали часть морскаго берега, построили цѣлое поселеніе Кильки, ставшее, благодаря ихъ труду и затратамъ, любимымъ мѣстомъ морскихъ купаній. Когда съемщикъ земель, заключившій съ ними контрактъ, умеръ, то главный землевладѣлецъ маркизъ *Коннингемъ* тотчасъ же установилъ арендную плату, равную полной стоимости всѣхъ улучшеній, (повышеніе вышло примѣрно процентовъ на 700) и, не довольствуясь этимъ, уничтожилъ значительную часть этого гоюдка, уменьшилъ народонаселеніе его съ 1879 до 950 душъ а остальныхъ пустилъ странствовать по Ирландіи или выселяться въ Америку. По этому поводу Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ: «чего нельзя ожидать отъ людей, которые имѣли

энергію и предприимчивость создать цвѣтущій городъ подъ опасеніемъ быть ограбленными? Но за то могутъ ли ожидать сочувствія и уваженія люди, пользующіеся дурнымъ закономъ для совершенія того, что нравственностью признается за грабежъ? То же самое происходитъ и со всѣми улучшеніями, сдѣланными арендаторами въ почвѣ. Они коопсируются путемъ немедленнаго повышенія арендной платы. Такъ напр. болотные округа Типперари были превращены въ пашни арендаторами и до этого не имѣли для ихъ владѣльцевъ ровно никакого интереса. Но какъ только получилась съ нихъ первая жатва, какъ назначена была аренда въ 2½ шиллинга съ акра.--Священникъ *Браунъ* засвидѣтельствовалъ предъ парламентскою комиссіею 1881 г., что онъ не знаетъ въ Коннаутѣ и тысячи акровъ земли, которые были бы улучшены самими лэндлордами. Напротивъ того, онъ знаетъ очень много фермеровъ, улучшившихъ занимаемые ими участки и поплатившихся возвышеніемъ арендной платы за слишкомъ доверчивое отношеніе къ чувству справедливости землевладѣльцевъ. Показанія на этотъ счетъ, данныя въ упомянутой парламентской комиссіи, настолько многочисленны и единодушны, что не допускаютъ никакого сомнѣнія въ своей справедливости. Недавно еще членъ парламента *Фрай*, человекъ весьма умѣренный, посѣтилъ знаменитый отнынѣ округъ Глэнбей. По словамъ его, онъ долженъ сознаться, что жители этой мѣстности ближе къ голоданію, нежели къ возможности уплатить ренту, что земля тамъ не давала бы вовсе ренты, если бы землевладѣльцы не прилагали къ ней значительнаго труда. — Членъ парламента *Эллисъ* заявилъ, что онъ видѣлъ выгнанныхъ фермеровъ, которые въ два поколѣнія сдѣлали на своей землѣ улучшенія, цѣнность которыхъ не менѣе 700 фун. стерл. При такихъ порядкахъ не удивительно, что англійское господство въ Ирландіи вызываетъ такъ много ненависти и ожесточенія!

Насколько многочисленны изгнанія фермеровъ, настолько разнообразны мотивы этихъ изгнаній. Иногда они были религиозными. Такъ напримѣръ, въ 1858 году былъ слѣдующій случай: двѣ дочери лорда *Плонкета*, епископа *Туама*, Луиза и Екатерина начали, изъ религіозной ревности, пропагандировать протестантизмъ между арендаторами земель ихъ отца и такъ имъ надобно своими приставаніями, что одинъ изъ нихъ при-

грозили имъ. Послѣ того барышни Плонкетъ оставили ихъ въ покоѣ, но за то явился процесс-сервер, привесшій 60 семействамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи съ земель епископа. Это было въ декабрь мѣсяцъ, въ суровую зиму. Ни просьбы, ни мольбы арендаторовъ не тронули жестокосердаго представителя высокой церкви. Если его намѣреніе не было приведено въ исполненіе, то только потому, что его остановилъ рѣзкій и единодушный протестъ англійскаго общественнаго мнѣнія, которое въ данномъ случаѣ было возмущено его жестокостью.

Нерѣдко были случаи изгнаній фермеровъ вслѣдствіе попытки ихъ подавать свой голосъ во время выборовъ по собственному убѣжденію, независимо отъ воли лэндлорда. Такъ напримѣръ, въ октябрѣ 1859 года депутатъ парламента *Вайнз* (Wynne) приказалъ выгнать множество семействъ арендаторовъ, вотировавшихъ несогласно съ его желаніемъ. При исполненіи этого поведенія происходили возмущающія душу сцены. Одинъ изъ арендаторовъ *Флинз* явился къ агенту Вайна съ просьбой повременить его изгнаніемъ, такъ какъ его жена опасно больна. На это агентъ ему отвѣчалъ: намъ нѣтъ никакого дѣла до вашей жены, намъ нуженъ вашъ домъ. Тогда несчастный фермеръ бросается къ доктору, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что эту больную женщину нельзя вынести изъ комнаты, не подвергая ея жизни опасности. Но и свидѣтельство доктора не останавливаетъ агента. Больную женщину выносятъ съ кроватью на улицу зимою, и чрезъ нѣсколько часовъ она скончалась. Депутатъ *Брадло* рассказывалъ недавно въ палатѣ депутатовъ подобный же случай изъ своихъ воспоминаній. «Въ 1851 году, говоритъ онъ, въ очень холодный зимній день мнѣ пришлось, какъ рядовому, участвовать въ командѣ, назначенной выгнать жителей изъ мѣстности за нѣсколько миль отъ Баллинолича. Дома были сравнены съ землею, а не сожжены. Немного усилій понадобилось, чтобы сравнять ихъ съ землею; никакой джентльменъ Ирландіи, имѣющій собакъ, не помѣстилъ бы ихъ въ такихъ лачугахъ. Одна женщина бросилась на колѣни предъ капитаномъ, умоляя его остановить выселеніе, такъ какъ въ одномъ изъ домовъ мужъ ея лежалъ больной. Капитанъ не имѣлъ права дать отсрочку, не смѣлъ противиться инструкціямъ, а судебный агентъ торопился въ Дублинъ. Больного вынесли изъ дому, и онъ вскорѣ послѣ этого умеръ. Двѣ ночи

послѣ того я стоялъ на часахъ у воротъ казармы и при смѣнѣ я и нѣкоторые мои товарищи драгуны услышали не вдалекѣ стоны. Мы пошли туда и нашли эту самую женщину, лежащую съ мертвымъ ребенкомъ прижатымъ къ груди».

Превращеніе въ силу тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ соображеній пашень въ луга и пастбища служило прежде и служить теперь чаще всего причиною изгнанія фермеровъ. Выше было указано, какъ велико было въ послѣднее время сокращеніе площади обрабатываемой земли и какъ велико было развитіе скотоводства.

Наконецъ, несоблюденіе правилъ, установленныхъ лэндлордомъ является четвертымъ мотивомъ изгнанія арендаторовъ. Правила, существующія во владѣніи лэндлорда, не только произвольны, но нерѣдко напоминаютъ собою порядки крѣпостнаго права. Такъ напримѣръ, во владѣніи лорда *Ландсдоуна* существовало правило, запрещающее арендаторамъ жениться. Во владѣніяхъ лорда *Доннагморра* не далѣе какъ 5 лѣтъ тому назадъ еще существовало правило, по которому дочери фермеровъ могли выходить замужъ только за сыновей фермеровъ, жившихъ въ его же владѣніяхъ. Недавно тамъ былъ случай изгнанія фермера со всей его семьей за то только, что дочь его вышла замужъ за арендатора, живущаго въ одной милѣ разстоянія отъ владѣній *Доннагморра*.

Если право изгнанія составляетъ величайшее зло въ земельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то не меньшимъ тормазомъ благосостоянія этой страны является произвольное возвышеніе ренты. Возвышенія эти являются результатомъ или сдѣланныхъ самимъ-же фермеромъ улучшеній, или-же вслѣдствіе усиливающейся конкуренціи арендаторовъ, изгнанныхъ изъ своихъ участковъ и столпившихся на небольшомъ пространствѣ земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остающаяся подъ пашнею площадь составляетъ, какъ мы видѣли выше, лишь третью часть того, что обрабатывалось лѣтъ тридцать тому назадъ. Не имѣя возможности заняться никакимъ другимъ дѣломъ, ирландецъ стремится раздобыть во что-бы то ни стало кусокъ земли и готовъ обшарить за нее какую угодно плату. Онъ знаетъ хорошо, что остаться безъ земли — это значитъ остаться безъ куска хлѣба. Насколько высоки ирландскія ренты, свидѣтельствуетъ фактъ, сообщенный членомъ парламента *Элисомъ*, посѣтившимъ

осенью прошлаго года нѣкоторые округа Ирландіи. По его словамъ правительственная коммиссія во многихъ случаяхъ уменьшила ренту съ 80 фун. ст. на 37 ф., съ 42—на 19; въ одномъ случаѣ рента была низведена съ 232 фун. на 73 ф. Спрашивается, какой доходъ могли получать фермеры, вынужденные платить землевладѣльцамъ аренду вдвое и втрое большую противъ той, какую-бы они должны были платить даже по казенному расчету. Членъ парламента шотландецъ *Дайэлъ* замѣтилъ, что шотландскіе фермеры расхотались-бы въ глаза лэндлорду, который потребовалъ-бы съ нихъ такую ренту, какую назначаютъ въ Ирландіи. Что касается возвышенія ренты въ силу сдѣланныхъ улучшеній, то объ немъ мы имѣемъ свидѣтельство инспектора церковныхъ имѣній *О'Бріена Мурроу*, который приводитъ такого рода поучительный примѣръ: фермеръ платилъ небольшую ренту за пустошь, но когда онъ ее обработалъ, то его заставили десять лѣтъ платить вдвое, а потомъ и совсѣмъ прогнали, заплативъ ему только 60 фун. за сдѣланные улучшения. На вопросъ членовъ парламентской коммиссіи, не представляется-ли этотъ случай исключительнымъ, *О'Бріенъ Мурроу* отвѣчалъ, что возвышеніе ренты за сдѣланные улучшения распространено весьма сильно. «Мы слишкомъ утомили-бы вниманіе читателя, говоритъ профессоръ *Зиберъ* въ своей статьѣ «Аграрный вопросъ въ Ирландіи», если-бы стали приводить полный списокъ всѣхъ показаній относительно повышенія ренты лэндлордомъ соотвѣтственно улучшениямъ фермера. Очевидно, что повышеніе это представляетъ просто на просто господствующую систему въ Ирландіи, и потому неудивительно, что оно служитъ предметомъ глубокаго недовольства со стороны народа, недовольства, выражающагося въ аграрныхъ преступленияхъ, бойкотированіи и тому подобныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ».

Мы описали, насколько это было возможно въ предѣлахъ одной лекціи, условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать ирландскому земледѣльцу. Удивительно-ли будетъ, что, знакомясь съ образомъ его жизни, мы встрѣтимся съ такимъ минимальнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ человѣческихъ потребностей, съ какимъ едва-ли можно встрѣтится даже въ наиболѣе бѣдныхъ странахъ. Ждлице земледѣльца, за немногими исключеніями, представляетъ собою избушку, стѣны которой

сдвиганы изъ земли и нерѣдко превращаются въ грязь въ особенно сырую погоду; полъ земляной; окна крошечныя; двери также; мебель почти отсутствуетъ, а иногда ея и признаковъ нѣтъ. Вся семья валяется на полу, еле еле прикрытомъ тонкимъ слоемъ соломъ. Въ графствѣ Кэри существуютъ цѣлыя поселенія на болотѣ. Каждый домъ, по словамъ профессора *Балдуина*, превосходно изучившаго страну при помощи непрерывныхъ развѣздовъ и детальныхъ изслѣдованій, состоитъ изъ торевыхъ стѣнъ околѣ двухъ футовъ толщины; высота стѣнъ не превышаетъ трехъ футовъ, такъ что, войдя въ хижину, профессоръ долженъ былъ нагнуться; вышина отверстія была ниже его роста не менѣе, чѣмъ на два фута; полъ хижинны колебался подъ ногами; они жили на живомъ болотѣ, въ прошлую ночь была буря и цѣлая крыша одной изъ хижинъ провалилась внутрь. Въ хижинѣ не было ни стола, ни стула, ни кухонной посуды, кромѣ стараго горшка; не соблюдена ни одна пристойность жизни. Всѣ хижинны были одного типа. «Н-возможно для цивилизаціи стоять ниже этого», заявилъ профессоръ предъ комиссіей. Платье и пища ирландца находятся въ соответствіи съ его жилищемъ. Платье—жалкія лохмотья, пища—картофель печенный въ золѣ, немного кукурузной похлебки—вотъ и весь его незатѣливый столъ. Мясо онъ употребляетъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, или-же вовсе не видитъ его. Малѣйшее колебаніе въ урожаѣ лишаетъ арендатора и этой убогой пищи. Но и самый годъ съ конца зимы и до того времени, когда поспѣетъ картофель, семья ирландскаго арендатора живетъ впроголодь. Въ Ирландіи даже различаются два рода голоданія: — голоданіе медленнее и голоданіе скорое. Первое происходитъ при нормальныхъ условіяхъ, а второе при неурожаѣ.

Но есть въ Ирландіи классъ людей, которые вынуждены довольствоваться еще меньшимъ, чѣмъ довольствуются арендаторы. Это — земледѣльческіе рабочіе. Они не составляютъ въ Ирландіи такого многочисленнаго класса, какъ въ Англіи, но положеніе ихъ по истинѣ ужасно. Въ вознагражденіе за свой трудъ они получаютъ около 3-хъ шиллинговъ (рубля полтора) въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ. Пища, которую они получаютъ отъ хозяина, состоитъ изъ кукурузной похлебки, даваемой имъ два раза въ день. Живутъ они обыкновенно въ каменныхъ нибудь заброшенныхъ строеніяхъ, платя за нихъ три

фунта въ годъ, наемной платы. На вопросъ парламентской комиссіи: строятъ ли рабочіе себѣ котѣджи и гдѣ они помѣщаются, свидѣтель отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, чтобы рабочіе строили себѣ котѣджи, и что они помѣщаются иногда по нѣсколько семействъ въ старомъ коровникѣ, который сталъ негоднымъ для коровъ.

Какъ ни тяжело бываетъ положеніе человѣка, оно выносятся легче когда съ нимъ не соединено сознаніе нарушеннаго права. Но если человѣкъ терпитъ бѣдствіе и притѣсненіе, сознавая при этомъ, что право не только не находится на сторонѣ притѣснителей, но, напротивъ, находится на сторонѣ его, притѣсняемаго, то запасъ терпѣнія истощается гораздо скорѣе и протестъ проявляется съ большею силою. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о писанномъ правѣ, а о томъ, которое вытекаетъ изъ совокупности воззрѣній и понятій даннаго народа. Ирландцы со времени покоренія ихъ англичанами находились именно въ такомъ положеніи. Они имѣли свои понятія о поземельной собственности, о правѣ наследства, о правѣ пользованія землей и т. д. Всѣ эти воззрѣнія прямо противоположны тѣмъ отношеніямъ, которыя введены были въ Ирландію со времени англійскаго завоеванія. Между тѣмъ до настоящаго времени англичанамъ не удалось вытравить въ ирландцахъ памяти о законахъ брегоновъ и вообще древнія правовыя традиціи. Протоколы парламентской комиссіи 1881 года свидѣтельствуютъ лучше всего о томъ, что ирландцы имѣютъ и до сихъ поръ воззрѣнія на землю и на отношенія къ ней совершенно иные, чѣмъ тѣ, которыя признаются англійскими лэнд-лордами. Такъ, одинъ изъ фермеровъ говоритъ: «я смотрю на землю, какъ на собственность государства или общества въ цѣломъ, совмѣщающую многіе интересы и различныя свойства — высшія и низшія, соотвѣтственно нынѣшней системѣ земледѣлія». — Священникъ Браунъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что ирландцы и до сихъ поръ помнятъ законы брегоновъ и что онъ самъ видѣлъ арендаторовъ, которые, умирая, дѣлили завѣщаніе, въ которомъ раздѣляли свои участки между своими дѣтьми такъ, какъ будто бы они составляли ихъ собственнѣсть и какъ будто англійскаго законодательства вовсе не существовало. Не входя въ разборъ частныхъ случаевъ, скажемъ только, что ирландцы всегда признавали и признаютъ за арендаторомъ право

владѣть участкомъ, пока онъ аккуратно платитъ справедливую ренту, а никакъ не могутъ взять въ толкъ право лэндлорда прогнать его по произволу. Равнымъ, образомъ, всѣ они признаютъ право арендатора на сдѣланныя имъ улучшения и постройки, а потому конейскацію ихъ лэндлордами считаютъ вопиющимъ нарушеніемъ своего права. Наконецъ, всѣ они считаютъ необходимымъ, чтобы рента не была повышаема по произволу и чрезмѣрно. При такой противоположности между воззрѣніями ирландскаго народа и практикою англійскихъ лэндлордовъ, ненависть первого къ послѣднимъ становится совершенно естественною и понятной. Прибавимъ сюда еще національную вражду, которая составляетъ слѣдствіе долговременной борьбы двухъ народностей.

Принимая въ расчетъ все сказанное раньше объ отношеніяхъ Ирландіи и Англіи, можно будетъ прийти къ заключенію, что аграрныя движенія ирландцевъ всегда находились въ связи съ національною враждою и политическими тенденціями, и что, съ другой стороны, политическіе протесты ирландцевъ находили для себя всегда удобную почву въ невозможныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Движенія 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, направленные къ тому, чтобы возстановить самостоятельный ирландскій парламентъ и такъ сказать, отозвать актъ уніи (гереал), равно какъ и теперешнее движеніе Home-rule, стремящееся къ автономіи Ирландіи, находились и находятся въ тѣсной связи съ аграрными движеніями. Равнымъ образомъ революціонная дѣятельность партіи «Молодой Ирландіи», смѣнившей собою партію гереал'я, а также дѣятельность фениевъ, идущая параллельно съ стремленіями партіи самоуправленія (Home rule) находили всегда благодарную почву для своей пропаганды въ бѣдственномъ положеніи и въ враждебномъ къ англичанамъ настроеніи ирландскаго арендатора.

Сила дѣятельности всѣхъ упомянутыхъ партій указала англійскому правительству ту опасность, которая можетъ заключаться для Англіи въ сильномъ недовольствѣ ирландцевъ. Бѣдствія 40-хъ и 50-хъ годовъ достигли такихъ огромныхъ размѣровъ, что не видѣтъ или отрицать ихъ сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Съ другой стороны, составъ парламента послѣ реформы 30-хъ годовъ становился все болѣе и болѣе демократичнымъ, а послѣ февральской революціи демократическое

движеніе въ Англіи съ каждымъ годомъ все болѣе выигрывало почву. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, сдѣлали то, что ирландскій вопросъ сталъ теперь на очередь. Въ 1860 году парламентомъ принятъ билль *Кордуэля*. Этотъ билль стремится упорядочить ирландскія земельныя отношенія на началахъ свободнаго договора и поставить ирландскаго фермера въ такое положеніе на примѣръ, въ какомъ стоитъ къ землевладѣльцу фермеръ французскій или англійскій. Съ этою цѣлью законъ дѣлаетъ обязательнымъ письменный договоръ между лэндлордомъ и арендаторомъ, а гдѣ такового (договора) нѣтъ, онъ признаетъ существованіе молчаливаго соглашенія между обѣими сторонами. Эта попытка потерпѣла полнѣйшую неудачу, такъ какъ предполагать свободу договора тамъ, гдѣ одной изъ сторонъ некуда дѣваться, совершенно не раціонально, а потому непремѣнно требованіе заключенія письменнаго договора нисколько не помогало арендатору; оно не гарантировало его ни отъ высокой ренты, ни отъ изгнанія. Единственнымъ шагомъ впередъ, дѣлаемымъ закономъ Кордуэля, было признаніе за арендаторомъ права требовать вознагражденіе за тѣ улучшенія, которыя сдѣланы имъ съ согласія лэндлорда. Неудивительно поэтому, что законъ 1860 года не удовлетворилъ ирландцевъ и аграрная агитація продолжала расти. Наконецъ въ 1870 году Гладстонъ ставитъ аграрный вопросъ на настоящую дорогу. Не возлагая никакихъ надеждъ на цѣлительныя свойства свободнаго договора, Гладстонъ рѣшается дать мѣсто государственной власти въ урегулированіи взаимныхъ отношеній лэндлорда и арендатора и впервые нарушаетъ абсолютное право поземельной собственности, подвергая нѣкоторымъ ограниченіямъ власть лэндлорда распоряжаться землей.

Приступая къ аграрному законодательству, Гладстонъ обратилъ вниманіе на существующіе обычаи и подмѣтилъ, что такъ называемые ульстерскіе обычаи составляютъ идеаль арендаторовъ другихъ мѣстностей Ирландіи. Ранѣе мы говорили уже, что колонизація Ульстера была нѣсколько иною, чѣмъ колонизація Лейнстера, Мунстера и Коннаута. Вслѣдствіе этихъ особенностей тамъ поземельныя отношенія сложились гораздо болѣе благопріятно для арендаторовъ. Существенныя черты этихъ отношеній заключаются въ слѣдующемъ: лэндлордъ можетъ изгнать арендатора только при неаккуратномъ исполненіи по-

сдѣланнымъ своихъ обязанностей. Онъ не имѣетъ безусловнаго права возвышать ренту. Фермеръ, оставляя аренду, имѣетъ право продать свои арендаторскія права другому арендатору. Сумма, уплачиваемая новымъ арендаторомъ уходящему, считается какъ бы вознагражденіемъ за безпокойство, или чѣмъ то въ родѣ отступнаго. Лэндлордъ не имѣетъ права отказать новому арендатору въ допущеніи его къ арендѣ, если только онъ не завѣдомо несостоятельный человѣкъ. Въ случаѣ же отказа лэндлорда допустить новаго фермера, онъ самъ выплачиваетъ уходящему фермеру вознагражденіе за безпокойство и убытки. Гладстонъ положилъ въ основаніе своего закона 1870 года именно Ульстерскій обычай и хотѣлъ ввести его цѣликомъ тамъ, гдѣ его не было. Ему не удалось однако провести свою мысль въполнѣ, такъ какъ для англійскаго парламента предлагаемая мѣра была черезчуръ большимъ новшествомъ.

Законъ 1870 года сохраняетъ за лэндлордомъ право изгонять фермера, но съ условіемъ вознагражденія его за ущербъ, произведенный несправедливымъ отнятіемъ аренды. — Фермеру предоставляется право требовать вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія, хотя бы таковыя произведены были безъ согласія лэндлорда. Въ этихъ отношеніяхъ законъ 1870 г. представляетъ несомнѣнный прогрессъ, сравнительно съ закономъ Кордуэля. Слабая его сторона заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ постановленій, ограничивающихъ право возвышенія ренты и напротивъ значительно сокращено число случаевъ, въ которыхъ фермеръ можетъ получить вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія. Между прочимъ, при арендномъ контрактѣ въ 31 годъ лэндлордъ совершенно избавляется отъ обязанности вознаграждать фермера за сдѣланныя улучшенія. Мы видимъ такимъ образомъ, что законъ 1870 года не въполнѣ защищаетъ арендатора отъ произвола лэндлорда. Намъ скажутъ: «вѣдь законъ 1870 года напоминаетъ хоть и слабо отношенія въ Ульстерѣ, которыя составляли предметъ вождѣній для прочихъ Ирландцевъ». Да, это такъ, но въ Ульстерѣ этотъ законъ могъ быть хорошъ, такъ какъ тамъ между арендаторомъ и лэндлордомъ нѣтъ ни національной, ни религіозной вражды и существуютъ обычай, которые исполняютъ пробѣлы и недомолвки закона и служатъ ему подержкой. Между тѣмъ въ остальныхъ частяхъ Ирландіи указанныя пробѣлы закона 1870 года не только не восполнились обы-

чаями, но служили оружіемъ въ рукахъ лэндлордовъ противъ арендаторовъ. Вотъ почему законъ 1870 г. не только не успокоилъ аграрнаго движенія, но напротивъ усилилъ его, подавъ населенію надежду на возможность дальнѣйшаго улучшенія. Органомъ этихъ стремленій является аграрная лига, основателемъ которой былъ *Мишель Дэвитъ*. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ фермеровъ. Когда онъ былъ еще въ колыбели, его отецъ былъ изгнанъ изъ своей фермы (зимой 1846—7 года). Дѣтскіе годы мальчика прошли подъ впечатлѣніемъ лишеній и нужды, которыя терпѣла его семья, прогнанная изъ своего гнѣзда. Образование свое онъ началъ въ воскресныхъ школахъ и продолжалъ его самостоятельнымъ чтеніемъ. Только большія способности и желѣзная энергія дали ему возможность пріобрѣсти столько свѣдѣній и развитія, что онъ выдвинулся впередъ между своими сотоварищами. Лишившись руки во время работы на фабрикѣ, онъ сдѣлался агентомъ страховой компаніи, а затѣмъ почтовымъ чиновникомъ. Но впечатлѣнія дѣтства сохранились въ его душѣ и онъ съ горячимъ сочувствіемъ относился къ бѣдствіямъ своихъ земляковъ и старался изыскать средства для улучшенія ихъ положенія. Онъ принималъ участіе во всѣхъ тайныхъ обществахъ, былъ адептомъ феніевъ тоже и даже былъ приговоренъ къ 15 лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Отбывъ часть назначеннаго срока, онъ былъ уволенъ, такъ сказать, въ бессрочный отпускъ на свободу. Онъ составилъ планъ аграрной лиги на подобіе той лиги, которую когда то образовалъ Кобденъ для борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ Ириштоунѣ, въ графствѣ Майо, состоялось первое собраніе лицъ которыхъ Дэвитъ пригласилъ, какъ учредителей общества. Аграрная лига повела свою агитацію открыто, пользуясь англійскимъ закономъ о свободѣ ассоціацій, и написала на своемъ знамени такъ называемую программу трехъ F: «Постоянство аренды» (Fixity of tenure) «Справедливая рента» (Fair rents) и «Свободная продажа» (Free sale). Эта программа трехъ F требуетъ, слѣдовательно, закрѣпленія за арендаторомъ его фермы, обезпеченія его отъ произвольной ренты и гарантированія за нимъ права продавать свои фермерскія права. Такъ какъ въ законѣ 1870 года фермерское право въ принципѣ признано, то программа трехъ F является, слѣдовательно, требованіемъ дальнѣйшаго развитія въ приложеніи сказаннаго принципа. Очень скоро послѣ своего

образованія аграрная лига разрослась весьма широко и сдѣлалась силою, съ которой приходилось считаться. Партія Home-rule, добиваясь политической автономіи Ирландіи, поняла необходимость связать свое дѣло съ задачами аграрной лиги. Мишель Дэвитъ съ своей стороны считалъ необходимымъ соединиться съ вожаками Home-rule и предложилъ президентство въ аграрной лигѣ Парнеллю. Послѣ нѣкотораго колебанія Парнелль согласился, и съ этого момента (1879 г.) значеніе этого политическаго дѣятеля сдѣлалось громаднымъ. Его, какъ и О'Коннелля, можно назвать королемъ Ирландіи безъ короны. Но между этими двумя выдающимися дѣятелями Ирландіи XIX вѣка есть большая разниця. О'Коннелль—католикъ, Парнелль—протестантъ; О'Коннелль—весь огонь, воспламеняющій массы своимъ горячимъ чувствомъ, Парнелль хладнокровенъ, сдержанъ; всѣ члены палаты общинъ знаютъ его неподвижное лицо и стальной взоръ его никогда не смѣющихся глазъ. Онъ дѣйствуетъ на разумъ и всегда замѣчательно ловко пользуется обстоятельствами для достиженія своей цѣли.—Взявшись за аграрную агитацію, онъ и его товарищи устраиваютъ каждый праздникъ миттинги въ главныхъ городахъ Ирландіи, на которыхъ объясняютъ и толкуютъ со всѣхъ сторонъ программу трехъ F.

Развитіе дѣятельности аграрной лиги показало Гладстону, что оставлять ирландскія отношенія безъ реформъ столь же не благоразумно, сколько и не гуманно. Поэтому, восторжествовавъ на выборахъ 1880 года надъ консерваторами, онъ тотчасъ же взялся за разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Ирландіи. Впредь до окончательнаго регулированія дѣла, онъ предложилъ временный законъ о пріостановкѣ изгнаній фермеровъ слѣдующаго содержанія: Изгнаніе фермера пріостанавливается, если во 1) неплатежъ ренты происходитъ по несостоятельности его; во 2) если арендаторъ готовъ войти въ соглашеніе на разумныхъ и справедливыхъ условіяхъ, и въ 3) если землевладелецъ, отвергая его предложенія, самъ не дѣлаетъ предложеній удобопріемлемыхъ. Палата лордовъ отвергла этотъ билль. На это рѣшеніе лордовъ аграрная лига отвѣтила по своему. Она рекомендуетъ не платить ренты вовсе или платить ее по казенной оцѣнкѣ 1826 г. Возставая затѣмъ противъ аграрныхъ преступленій, допущенныхъ членами лиги, Парнелль порекомендовалъ средство борьбы, которое получило широкое распространеніе,

а именно: бойкотированіе—своего рода отлученіе. Первый разъ это средство было употреблено противъ агента лорда Эрнэ—капитана *Бойкота* (откуда и названіе), который очень притѣснялъ фермеровъ. Окрестные жители, воспользовавшись совѣтомъ Парнелля, порѣшили прекратить всякія сношенія съ Бойкотомъ. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, онъ, какъ военный человѣкъ, приготовился выдержать осаду. Онъ запасся съѣстными припасами, вздумалъ было нанять себѣ и защитниковъ, но никто не согласился оказать ему ни малѣйшей услуги ни за какія деньги. Когда стали выходить у него съѣстные припасы, то купить ихъ въ окрестностяхъ оказалось рѣшительно невозможнымъ даже на вѣсь золота. Продержавшись нѣсколько недѣль, капитанъ Бойкотъ вынужденъ былъ капитулировать и подъ прикрытіемъ полиціи оставилъ свой домъ и улизнулъ совсѣмъ изъ Ирландіи.

Средство это столь успѣшное, какъ показалъ первый опытъ, продолжало практиковаться и далѣе. Но во главѣ правительства стоялъ теперь человѣкъ недюженный, котораго волненія Ирландіи не сбили съ толку и не остановили его желанія улучшить положеніе арендаторовъ. Съ этой цѣлью Гладстонъ вноситъ новый поземельный билль, который и былъ утвержденъ парламентомъ въ 1881 году. Существенная черта этого послѣдняго поземельнаго закона заключается въ томъ, что въ отношеніяхъ между лэндлордами и арендаторами устанавливается такой-же порядокъ, какой существуетъ въ отношеніяхъ акціонеровъ къ акціонерному предпріятію. Лэндлордъ перестаетъ быть абсолютнымъ собственникомъ земли, ибо его право распоряжаться ею подвергается существеннымъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, арендаторы перестаютъ играть по отношенію къ землѣ роль квартирантовъ, которыхъ можно прогнать въ каждую минуту, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ контрактовъ. Они становятся *совладѣльцами* лэндлорда по отношенію къ землѣ, ибо законъ 1881 года признаетъ за ними извѣстное вещное право на землю. Изъ этого принципа вытекаютъ законодательныя опредѣленія, гарантирующія арендаторовъ отъ изгнанія и возвышенія арендной платы. По акту парламента 1881 г. лэндлордъ можетъ отнять землю арендатора только на основаніи, указанномъ въ законѣ. Далѣе, за фермеромъ формально признается право продажи своихъ фермерскихъ правъ третьему лицу, не спрашивая на то согласія лэндлорда. Если послѣдній не хотѣлъ-бы допус-

кату новаго фермера, то у него остается для исполненія своего желанія одно только средство—заплатить фермеру ту сумму, за которую тотъ продаетъ свое право. Принимая впрочемъ во вниманіе и интересы лэндлорда, законъ гарантируетъ за нимъ право преимущественной покупки по цѣнѣ, предлагаемой другими. Гарантія фермера отъ произвольнаго возвышенія ренты заключается въ томъ, что фермеръ можетъ обратиться въ поземельную комиссію съ просьбою, что-бы она опредѣлила размѣръ ренты, которую онъ долженъ платить лэндлорду. Опредѣленный комиссіею размѣръ ренты остается неизмѣннымъ въ теченіе 15 лѣтъ. Всѣ эти постановленія закона относятся къ фермерамъ, которые взяли такъ называемое парламентское фермерское право. Взять-же такое право можетъ каждый арендаторъ, бывший таковымъ до изданія акта 1881 года. Для того что-бы считаться арендаторомъ съ парламентскими правами, нужно сдѣлать заявленіе въ поземельную комиссію о желаніи пользоваться правами, предоставленными арендаторамъ парламентскимъ поземельнымъ актомъ 1881 года, и комиссія выдаетъ просимое свидѣтельство безъ всякихъ затрудненій, если только проситель удовлетворяетъ вышеуказанному условію. Упомянутая нами поземельная комиссія состоитъ изъ трехъ несѣняемыхъ лицъ, одно изъ которыхъ непременно должно быть юристомъ. Въ первый разъ они назначаются парламентомъ, а затѣмъ должны быть назначаемы королевою. На обязанности этой поземельной комиссіи лежитъ опредѣленіе размѣра ренты, которую долженъ платить фермеръ и, кромѣ того, она должна оказывать содѣйствіе фермерамъ въ покупкѣ земли въ собственность, или-же въ приобрѣтеніи ея въ вѣчное владѣніе, съ обязательствомъ платежа постоянной ренты. Въ первомъ случаѣ комиссія выдаетъ фермерамъ долгосрочную ссуду въ размѣрѣ 75% покупной суммы, а во второмъ случаѣ—50% суммы, которую требуетъ лэндлордъ за уступку земли. При этомъ однако комиссія требуетъ, что-бы условливаемая постоянная арендная плата была ниже 70% нормальной ренты. Наконецъ, поземельная комиссія можетъ покупать земли лэндлордовъ за счетъ государства для продажи ихъ по частямъ фермерамъ. Вотъ главные черты поземельнаго закона Гладстона. Нельзя не замѣтить, что онъ стремится удовлетворить требованія аграрной лиги, выраженные въ программѣ трехъ Ф. Законодатель стара-

ется установить постоянство аренды, ввести справедливую ренту и предоставляет наконец фермеру свободную продажу его правъ. Но на этомъ остановиться было нельзя. Прежня поземельныя отношенія создали такую массу должниковъ и недомщиковъ, что ликвидировать ихъ долги и недоимки представлялось необходимою, если хотѣли дать арендаторамъ возможность воспользоваться льготами закона 1881 года. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ арендаторъ воспользоваться защитою послѣдняго поземельнаго акта, если лэндлордъ могъ его прогнать за старыя недоимки, накопившіяся благодаря чрезмѣрно высокой рентѣ, которую онъ платилъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ, да сверхъ того еще конфисковать въ придачу все его имущество въ обезпеченіе ихъ уплаты. Прибавимъ къ этому, что въ теченіе всего 1880 и 1881 годовъ, рента, какъ мы знаемъ, вслѣдствіе агитаціи аграрной лиги, не уплачивалась вовсе или уплачивалась очень плохо. Вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ Гладстонъ проводитъ въ 1882 году новый законъ, — законъ о недомкахъ, который имѣетъ временное, но очень важное практическое значеніе. На основаніи этого закона государство предоставляетъ фермеру право заплатить лэндлорду недоимку за два года и тѣмъ покончить съ нимъ всякіе счета, хотя-бы за нимъ и числилась недоимка за нѣсколько лѣтъ. При этомъ государство уплачиваетъ лэндлорду еще недоимку за третій годъ. Мѣра эта во многомъ напоминаетъ собою законы Солона о долгахъ; также законы Кайя Лицинія о погашеніи накопившихся на плебейхъ долговъ патриціямъ. Льготою закона о недомкахъ воспользовались въ теченіе года 130000 человекъ; изъ нихъ 58000 чел. приходится на Коннаутъ, 44000 — на Ульстеръ, 20000 — на Мунстеръ и 12000 на Лейнстеръ. Государство заплатило за нихъ лэндлордамъ 768157 фун. ст., а такъ какъ эта сумма составляетъ только половину внесенной арендаторамъ недоимки, то, значитъ, послѣдніе внесли отъ себя 1,536,314 фун., лэндлорды-же получили 2304471 фунтовъ стерлинговъ.

Значеніе этого закона будетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ показанія членовъ парламента, посѣтившихъ лѣтомъ 1886 года Ирландію и рассказывавшихъ въ палатѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ими изъ этого путешествія. Они говорили, что рента въ Ирландіи въ два или три раза превышаетъ размѣръ, который можетъ быть признанъ разумнымъ и болѣе или менѣе

справедливымъ. Нищета ирландскаго населенія, по ихъ словамъ и по словамъ свидѣтелей, говорившихъ въ парламентской комисіи 1881 года, дошла до такой степени, дальше которой не возможно, кажется, ничего себѣ представить. Безъ государственной помощи это населеніе не могло бы воспользоваться законами, созданными для улучшенія его положенія. Нельзя также не признать справедливымъ, чтобы и лэндлорды съ своей стороны сдѣлали кой-какія уступки тому населенію, съ котораго они и отцы ихъ такъ долго брали вдвое и втрое больше того, что можетъ считаться справедливымъ по самому щедрому расчету.

Вотъ въ этомъ то стремленіи ликвидировать наслѣдіе прошлаго и заключается значеніе закона 1882 г. Мы должны сказать, что онъ не вполне достигъ своей цѣли, такъ какъ далеко не все воспользовались предоставленными ими льготами. Отчего это произошло, мы не знаемъ, но можемъ догадываться, что тутъ играли роль столько же фактическая невозможность внести недонку за два года, сколько и нежеланіе платить то, что считается несправедливымъ. Здѣсь мы должны остановиться, но и не могу прекратить бесѣду съ вами, не подведя итоговъ тому, о чемъ было сказано во всѣхъ трехъ лекціяхъ, и не попробовавъ на основаніи прошлаго высказать нѣсколько соображеній о будущемъ.

Припоминая ходъ ирландской исторіи и главнымъ образомъ борьбу Англій съ Ирландіей, мы должны отмѣтить три момента. Сначала рѣчь идетъ о національно-политической независимости Ирландіи. Англія рѣшаетъ этотъ вопросъ въ свою пользу; политическая независимость Ирландіи исчезаетъ, пока наконецъ она не лишается къ концу прошлаго столѣтія и самаго символа своей политической самобытности—ирландскаго парламента. Но еще не кончилось политическое покореніе Ирландіи, какъ въ борьбѣ политической присоединяется религиозный вопросъ. Отдѣлившись отъ римской церкви, принявъ потомъ протестантскія вѣрованія, Англія рекомендуетъ ихъ Ирландіи и навязываетъ ихъ ей, не взирая на ея сопротивленіе. Появленіе религиознаго момента не только осложняетъ борьбу,

оно ожесточаетъ ее. Разгорѣвшіяся религіозныя страсти дѣлаютъ то, что обѣ стороны почти забываютъ, что вопросъ то поднятъ изъ-за политическихъ и національныхъ интересовъ и отождествляютъ эти послѣднія съ религіозными до такой степени, что слово «папистъ» стало для англичанина синонимомъ политическаго врага, а для ирландца понятіе «протестантъ» слилось съ понятіемъ притѣснителя. Подъ вліяніемъ крайняго ожесточенія является смѣлая попытка уничтожить ирландцевъ совсѣмъ, лишивъ ихъ земли — главнаго источника ихъ существованія, и вотъ къ религіозному и политическому моментамъ борьбы присоединяется моментъ экономической. Конецъ XVII и первая половина XVIII стол. знаменуютъ собою періодъ полнаго пораженія Ирландія. Казалось, нѣтъ такихъ человѣческихъ страданій и мученій, которыя бы могли еще быть причинены ирландцу. Лишенный собственности, лишенный гражданскихъ правъ, ограниченный въ своихъ правахъ семейныхъ, преслѣдуемый въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, презираемый больше самаго сквернаго животнаго, ирландецъ былъ обреченъ на смерть не только политическую и національную, но можно сказать и физическую. Созерцая положеніе ирландцевъ въ первую половину XVIII стол., можно было думать, что имя этого народа навсегда стерто для будущаго съ скрижалей исторіи. Но вотъ народъ, походившій на трупъ, начинаетъ оживать и снова, сначала робко, потомъ громче и громче заявляетъ свое право на человѣческое существованіе. А если такъ, то значитъ въ этомъ народѣ оказался такой запасъ жизненной силы, что продолжать предпринятую политику истребленія было бы колоссальнымъ безуміемъ. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Англіи Фоксъ сказалъ, что недовольные подданные для государства опаснѣе враговъ. Про ирландцевъ мало было сказать, что они недовольные подданные; они были подданные, которые сочли бы для себя господство краснокожихъ болѣе сноснымъ, чѣмъ господство англичанъ; они ненавидѣли послѣднихъ всею силою ненависти, къ какой только способна человѣческая натура. При такихъ условіяхъ Ирландія могла стать легко для враждебной Англіи державы базисомъ военныхъ дѣйствій противъ

нея, и тогда Англія лишилась бы всёхъ выгодъ своего островнаго положенія, такъ какъ только небольшой каналъ отдѣляетъ ее отъ Ирландіи. Не великодушіе, слѣдовательно, а благоразуміе заставило ее начать дѣлать уступки Ирландіи и отречься отъ политики порабощенія и истребленія ирландскаго народа. Съ этого момента, т. е. съ американской войны, начинается обратный ходъ ирландской исторіи. Начался онъ съ ослабленія религіознаго гнета. Сначала возвращены католикамъ гражданскія и семейныя права, отменены одинъ за другимъ всё драконовскіе законы, притѣснявшіе папства, пона наконецъ въ 1829 году имъ не возвратили правъ политическихъ. Теперь спрашивается, каковы были результаты этого вѣковаго преслѣдованія религіозной совѣсти? За 73 года XVIII вѣка обратилось въ протестантизмъ всего на всего 4088 человекъ. Съ 1734 по 1824 годъ, не смотря на всё соблазны и понужденія, которыми сопровождали пребываніе мальчиковъ-католиковъ въ протестантской школѣ, не смотря на большія преміи, которыя выдавались ренегатамъ, число таковыхъ не превысило 1100 человекъ. Католическихъ священниковъ ловили какъ волковъ, за нихъ платили 10 фун. ст. наравнѣ съ волчицей, и, не смотря на это, ихъ оказывалось въ половинѣ XVIII вѣка до 3000 чел. Своимъ безкорыстнымъ и мужественнымъ служеніемъ угнетенному народу они приобрѣли на него то громадное вліяніе, какое сказалося во время выборовъ О'Коннелла и сказывается еще и теперь. Такимъ образомъ, религіозныя преслѣдованія въ Ирландіи не принесли съ собою ничего, кромѣ массы страданій совершенно безцѣльныхъ, не подвинувшихъ ни на іоту ни прогресса человѣчества, ни прогресса Англіи. Они только лишній разъ служатъ доказательствомъ вреда, приносимаго религіознымъ фанатизмомъ. Путемъ этого долгаго и подобныхъ ему другихъ экспериментовъ человѣчество убѣдилось, что единство политическое вовсе не находится въ тѣсной связи съ единствомъ религіознымъ.

Освободившись отъ религіознаго гнета, Ирландія стремится къ возвращенію политической самобытности и къ освобожденію отъ гнета экономическаго. Что касается перваго вопроса, то онъ на нашихъ глазахъ начинаетъ переходить изъ области стрем-

лений въ область практическаго осуществленія принципа самоуправленія. Такой смыслъ имѣеть предложенное Гладстономъ образованіе самостоятельнаго ирландскаго парламента. Если прежде отдѣльный ирландскій парламентъ былъ ирландскимъ только по имени, то теперь послѣ эмансипаціи католиковъ и демократической парламентской реформы 1867 г. ирландскій парламентъ будетъ состоять изъ представителей всего ирландскаго народа. Съ другой стороны, если прежде законодательная независимость ирландскаго парламента повлекла за собою возстаніе съ цѣлью отдѣленія отъ Англіи, то это произошло именно потому, что масса ирландскаго населенія не видѣла въ этомъ протестантскомъ и номинально только ирландскомъ парламентѣ средства къ удовлетворенію своихъ интересовъ. Опасенія, что образованіе отдѣльнаго ирландскаго парламента теперь повлечетъ за собою то же, что произошло въ концѣ XVIII столѣтія, есть предразсудокъ, не оправдываемый серьезными основаніями. Между тѣмъ созданіе отдѣльнаго ирландскаго парламента въ концѣ концовъ послужитъ къ успокоенію враждебныхъ чувствъ, развившихся въ Ирландіи по отношенію къ англичанамъ въ силу вѣковыхъ отношеній.

Рядомъ съ политическимъ вопросомъ поставленъ и въ значительной степени разрѣшенъ вопросъ экономической, или точнѣе — поземельный. Навязывая Ирландіи свое поземельное устройство, англичане поступали такъ, какъ поступилъ бы человѣкъ, который захотѣлъ бы приказать пчеламъ, чтобы онѣ работали не сообща, а каждая отдѣльно въ своей ячейкѣ вела бы свое медовое хозяйство. Представленія ирландцевъ о поземельной собственности настолько отличны отъ представленій англичанъ, что они, говоря другъ съ другомъ объ этомъ предметѣ, похожи на людей разговаривающихъ на разныхъ языкахъ, для нихъ непонятныхъ. Этимъ объясняется, помимо заинтересованности английскихъ аристократовъ въ сохраненіи бывшихъ аграрныхъ отношеній въ ихъ неприкосновенности, та медленность, съ которою англичане проводятъ аграрную реформу. Тѣмъ не менѣе однако ясно, что въ послѣднемъ законѣ они усвоили ирландскую точку зрѣнія и до нѣкоторой степени осуществили ее. Но на

этомъ дѣло не можетъ остановиться. Національная вражда между арендаторами и лэндлордами не можетъ прекратиться сразу. Не смотря на исчезновеніе условій, при которыхъ развилась эта вражда, это чувство само стало силою, которая будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не истощится, а запасъ ея созданъ вѣками и не скоро будетъ израсходованъ. Вѣсть съ этой враждою еще и противоположность возрѣній на отношенія къ землѣ существующая между англичанами и ирландцами, мѣшаетъ имъ дѣйствовать вѣсть и мѣшаетъ осуществиться благимъ намѣреніямъ акта 1881 года. Текуція событія подтверждаютъ этотъ взглядъ. Вотъ въ чемъ заключается разумное основаніе желаній Гладстона выкупить землю у лэндлордовъ и надѣлить ея ирландскихъ арендаторсвъ на началахъ выкупа. Эта мѣра представляется англичанамъ крайне рискованною. Они боятся, что имъ самимъ придется заплатить за эту землю; но это опасеніе совершенно напрасно. Если ирландскіе арендаторы столько десятилѣтій выплачивали двойныя и тройныя ренты, то на какомъ основаніи можно думать, что они не захотятъ заплатить умѣренной ренты, въ надеждѣ пріобрѣсти тѣ же земли въ собственности? Но если бы даже англійскому государству съ его громадными богатствами пришлось приплатиться за обнищавшій и обездоленный ирландскій народъ, то это было бы только маленькою расплатою за тотъ колоссальный грабежъ, который произведенъ былъ въ XVII в. Намъ говорятъ, что то было 200 лѣтъ тому назадъ, что это дѣло покрыто давностью... Но для народа нѣтъ давности; его судьбы не развиваются въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія, а потому грядущимъ поколѣніямъ всегда приходится развивать или исправлять то, что одѣлали ихъ предки и, волей неволей, переживать послѣдствія ихъ ошибокъ, а равнымъ образомъ и пользоваться плодами ихъ мудрости. Ужъ если пошелъ вопросъ о давности, то припомнимъ, что она создается спокойнымъ и *безспорнымъ* владѣніемъ. А когда же былъ для Англіи хоть одинъ моментъ такого безспорнаго и спокойнаго владѣнія? Когда же былъ моментъ, когда бы она не слышала со стороны Ирландіи протеста противъ со-

лршеннаго захвата. Такого момента не было. Давность еще не наступила.

По всей вѣроятности идея Гладстона о надѣленіи ирландцевъ землею осуществится, и мы имѣемъ прецедентъ, на основаніи котораго можемъ думать, что эта реформа пойдетъ хорошо. Когда продавались церковныя имущества, то изъ 8032 церковныхъ фермъ 6057 были куплены ирландскими арендаторами. Мы можемъ догадываться далѣе, что ирландское землевладѣніе, подобно нашему русскому, приметъ общинный характеръ, такъ какъ ирландскій народъ выказалъ во многихъ случаяхъ большія способности къ совокупнымъ усиліямъ и дѣйствіямъ, и, кромѣ того, въ немъ еще не умерла память о его древней общинной организаціи.

Не останавливая на нашихъ догадкахъ, мы обратимъ наше вниманіе на значеніе историческихъ судьбъ Ирландіи въ теоретическомъ отношеніи. О религіозномъ вопросѣ не будемъ говорить, такъ какъ едва ли есть еще просвѣщенные люди, которые бы сомнѣвались въ значеніи принципа вѣротерпимости и не осуждали бы религіозныхъ преслѣдованій. Остановимся на національномъ вопросѣ. XIX столѣтіе есть періодъ національныхъ стремленій, и въ настоящее время вопросъ о національности становится въ такое же положеніе, въ какомъ нѣкогда стоялъ вопросъ о вѣроисповѣданіи. Какъ прежде стремились обратить всѣхъ подданныхъ государства въ одну вѣру, такъ теперь господствующая національность въ государствѣ стремится поглотить другія и, оправдывая себя положеніемъ, что политическое единство невозможно безъ единства національнаго, старается искусственно претворить въ себя подчиненную національность, не останавливаясь и передъ насиліемъ. Историческая судьба Ирландіи представляетъ наглядно и тщету и бесполезность такихъ притязаній. Если народъ живучъ, то господствующая національность не сотретъ его особенности и въ результатъ своихъ усилій претворить его въ себя получить только ненависть и больше ничего. Если, чего можно ожидать, состоится примиреніе между Англіей и Ирландією, то это будетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что даже враждебныя

національності можуть потушити свою вражду взаємно справедливимъ отношеніємъ и создать прочное политическое цѣлое. Англія съ ея всесвѣтными владѣніями, съ многомилліоннымъ населеніемъ стоитъ наканунѣ образованія громаднаго федеративнаго государства. Въ этой федераціи займетъ свое определенное мѣсто и автономная Ирландія. Осуществленіе федеративнаго принципа въ такомъ громадномъ масштабѣ и въ такомъ старомъ государствѣ, какъ Англія, дастъ огромный толчокъ политическому развитію европейскаго континента, на которомъ съ легкой руки Франціи до сихъ поръ начало централизаціи пользуется громаднымъ и не всегда справедливымъ кредитомъ.

Обращаясь, наконецъ, къ разрѣшенію въ Ирландіи аграрнаго вопроса, нельзя не остановиться на его принципиальномъ значеніи. Англія доселѣ можетъ считаться представительницею не только крупнаго землевладѣнія, но и абсолютной поземельной собственности. Недостатки этого режима не такъ чувствуются англичанами, но несомнѣнно они существуютъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ агитація теперешняго члена парламента Арча, программа котораго выражена словами: «два акра и корова». Болѣе чувствуются недостатки поземельныхъ отношеній въ Шотландіи. Въ книгѣ Джорджа о націонализаціи земли *) мои слушатели найдутъ яркія картины, рисующія ненормальность тамошнихъ поземельныхъ отношеній. Разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ Ирландіи несомнѣнно дастъ толчокъ къ реорганизаціи земельныхъ отношеній въ Англіи и тѣмъ самымъ послужитъ началомъ паденія принципа абсолютной поземельной собственности и въ торжеству противоположнаго принципа, по которому владѣніе землей должно находиться подъ контролемъ общественнымъ и подчиняться волѣ общества. Такъ какъ въ концѣ концовъ земля составляетъ основаніе дѣятельности челоуѣка и его жизни, то ясно, что то или другое рѣшеніе вопроса о ней имѣетъ общественное значеніе первостепенной важности.

*) Содержаніе этой книги резервировано С. Н. Южаковымъ въ Отеч. Зап. 1884 г., №№ 1 и 2.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли мнѣ нужно увѣрить, что я рѣшился бесѣдовать съ Вами объ историческихъ судьбахъ Ирландіи не потому только, что они представляютъ современный интересъ. Это соображеніе было. Но для меня имѣли гораздо большее значеніе тѣ общія начала, которыя связаны съ исторіею Ирландіи и на которыя мнѣ хотѣлось обратить ваше вниманіе въ надеждѣ, что они интересуютъ Васъ такъ же, какъ и меня.
